

• большая детская библиотека •

ЙОХАННА СПИРИ

**ХАЙДИ,
или
ВОЛШЕБНАЯ
ДОЛИНА**

Большая детская библиотека

Йоханна Спири

Хайди, или Волшебная долина

«Издательство АСТ»

1880

УДК 821.112.2-93(494)

ББК 84(4Шва)-44

Спири Й.

Хайди, или Волшебная долина / Й. Спири — «Издательство АСТ», 1880 — (Большая детская библиотека)

ISBN 978-5-17-155474-3

Повесть Йоханны Спири «Хайди» впервые была опубликована в 1880 году и мгновенно получила известность. Спустя четыре года повесть перевели на английский язык, и ее с удовольствием читали уже в Великобритании и Америке. Повесть «Хайди» заслуженно относят к шедеврам мировой детской классики. Хайди — девочка-сирота, отданная на попечение дедушке, который живет в горах Швейцарии. Описание невероятных красот Альп живо предстают перед читателем, переплетаясь с трогательным сюжетом о том, как маленькая девочка несет другим людям огромный мир, где нет места унынию, непониманию и вражде.

УДК 821.112.2-93(494)

ББК 84(4Шва)-44

ISBN 978-5-17-155474-3

© Спири Й., 1880

© Издательство АСТ, 1880

Содержание

К Горному Дяде	6
У дедушки	12
На пастбище	16
У бабушки	22
Визиты и их последствия	29
Новые впечатления	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Йоханна Спири

Хайди, или Волшебная долина

© Вильям-Вильмонт Е. Н., перевод, насл., 2023

© Федоровская М. Е., ил., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

К Горному Дяде

От живописно расположенного старинного городка Майенфельд тропа бежит через зеленую лесистую равнину к подножию гор, что сурово и величественно смотрят вниз, на долину. Затем тропа круто забирает вверх, и вот уже вскоре на вас веет ароматами вересковой пустоши и горных трав, ибо тропа ведет в Альпы.

По узкой горной тропе солнечным июньским утром шла высокая крепкая девушка и вела за руку ребенка, девочку, чьи щеки так пылали, что румянец проступал даже сквозь дотемна загорелую кожу. Да и неудивительно, поскольку девочка, несмотря на жаркое июньское солнце, была так тепло укутана, словно ей предстояло идти по невесть какому холоду. Девочке было от силы лет пять, однако за всеми одежками разглядеть ее не было возможности. На нее надели два, а то и три платья, одно поверх другого, а сверху она еще повязали большим бумазейным платком. Обу-та она была в тяжелые горные ботинки на гвоздях. Девочка мучалась от жары и с трудом шла в гору. После часа пути они добрались до небольшой деревни, что лежит на полдороге и зовется просто «Деревенькой». Тут наших путниц стали зазывать чуть ли не в каждый дом, им кричали и махали из окон и дверей, потому что это была родная деревня девушки. Но она никуда не сворачивала, на ходу отвечала на все приветствия и вопросы, не останавливаясь даже на минутку, пока не добралась до последнего из разбросанных на краю деревни домишек. Здесь ее тоже окликнули:

– Постой-ка минутку, Дета! Если ты наверх идешь, я с тобой!

Девушка остановилась. Малютка тотчас же отпустила ее руку и села прямо на землю.

– Ты устала, Хайди? – спросила девушка.

– Нет, мне просто жарко, – отвечала девочка.

– Да нам уж немного осталось идти, потерпи маленько и старайся шагать пошире, тогда уже через час мы будем на месте, – подбодрила ее девушка.

Из дверей домика вышла деbeatая, добродушного вида женщина. Девочке пришлось подняться. Две старые знакомки пошли впереди, завязав оживленный разговор о деревенских новостях.

– А куда ж это ты ведешь ребенка, Дета? – немного погодя спросила женщина. – Это часом не дочка твоей покойной сестры?

– Она самая, – отвечала Дета. – Я иду с ней к Горному Дяде. Хочу ее там оставить.

– Что? Оставить ребенка у Горного Дяди? Да ты в своем ли уме, Дета? Как ты можешь? Старик ее ни за что не примет, сразу вас назад отправит!

– Да как это он нас отправит, когда он ей самый что ни на есть родной дед? Он обязан позаботиться о ней. Пока что я держала девочку у себя, но теперь не хочу из-за нее лишаться хорошего места, которое мне посулили. Так что, Барбель, пускай теперь ее дедушка обихаживает.

– Да будь это кто другой, тогда конечно, – кивнула толстая Барбель, – но ты же его знаешь. Что он станет делать с ребенком, да еще с таким маленьким? Ничего не выйдет. А ты куда это собралась?

– Во Франкфурт, – сказала Дета, – там мне обещали и впрямь хорошее место. Прошлым летом эти господа были тут на водах, и я у них прибиралась. Они уж тогда хотели взять меня с собой, но я отказалась. А теперь они снова тут и настаивают, чтобы я с ними уехала, и я очень даже этого хочу, сама понимаешь!

– Ох, не приведи Господь оказаться на месте этой девчущки! – воскликнула Барбель и даже руками от ужаса замахала. – Одному Богу известно, как ей будет с этим стариком! Он же ни с кем не желает дела иметь, уж сколько лет в церковь ни ногой, а когда раз в год спускается вниз со своей толстенной палкой, так все от него шарахаются, такой он страх наводит! Эти его

косматые брови и бородища жуткая, ну чистый индеец или язычник! Просто ужас берет, как встретишь его один на один!

– Ну и что с того! – упрямо отвечала Де-та. – Он ей дед и должен позаботиться о внучке. Да и ничего он ей не сделает, потому как ежели что, то спрос будет с него, а не с меня.

– Ох, хотела бы я знать, – с любопытством спросила Барбель, – что же такое у старика на совести, если у него такие глаза и он один-одинешенек живет на горе, так что люди его почти не видят? О нем всякое болтают, а ты ведь от своей сестры наверняка что-нибудь про него слыхала, а, Дета?

– Слышать-то слыхала, да только ничего не скажу, а то, ежели он узнает, мне несдобровать.

Но Барбель давно уже хотелось выяснить, что там такое с этим Горным Дядей, почему он такой нелюдимый, почему живет один в горах и почему люди всегда говорят о нем как-то вскользь, словно опасаются хоть слово сказать против него, но и за него тоже замолвить словечко никто не хочет. К тому же Барбель не знала, отчего все зовут его Горным Дядей, ведь не приходится же он дядей всем и каждому? Но поскольку все его так звали, звала его так и Барбель. Она не очень давно поселилась в Деревеньке, лишь когда вышла замуж, а прежде жила в Преттигау, вот и не знала еще всех секретов и особенностей жителей Деревеньки и ее окрестностей. Дета, ее добрая знакомая, наоборот, родилась в Деревеньке и жила там всю жизнь вместе с матерью. Когда же ее мать умерла, Дета перебралась в курортный городок Бад Рагатц, где ей посчастливилось найти хорошую работу. Она служила горничной в большой гостинице и прилично зарабатывала. Вот и сегодня она пришла из Рагатца. До Майенфельда они с девочкой доехали на возу с сеном, их подвез один ее знакомый. И Барбель, не желая упустить такой счастливой возможности хоть что-то выведать, взяла Дету под руку и сказала:

– Мне ужас как интересно, что здесь правда, а что брехня. Ты ведь наверняка знаешь эту историю. Ну, скажи мне, старик, он всегда был такой страшный и люто всех ненавидел?

– Всегда ли он такой был, я не знаю, сама понимаешь, мне сейчас двадцать шесть, а ему, поди, уж все семьдесят. Так что молодым я его не застала. Эх, Барбель, знать бы, что все, что я тебе скажу, не пойдет гулять по всему Преттигау, уж я бы тебе о нем порассказала! Моя мама ведь тоже была родом из Домлешга, откуда и он.

– Ах, Дета, что ты такое говоришь! – обиделась Барбель. – Я вовсе не собираюсь что-то болтать в Преттигау, и вообще, я умею хранить секреты, если нужно. Как тебе не совестно! Давай рассказывай!

– Ладно, так и быть, расскажу, только смотри, держи язык за зубами! – предупредила ее Дета. И она оглянулась проверить, не слишком ли близко за ними идет девочка. Не стоит ей слышать то, что она собирается рассказать. Но девочки и вовсе не было видно, она сильно отстала, а они в пылу беседы этого даже не заметили. Дета остановилась и начала озираться. И хотя дорога то и дело петляла, отсюда можно было видеть ее почти всю, до самой Деревеньки. Но на дороге никого не было.

– Вижу! Я ее вижу! – воскликнула Барбель. – Вон там, смотри! – Она указывала куда-то вниз. – Глянь-ка, она карабкается в гору вместе с Козым Петером и его козами! Что это он нынче как припозднился! Но это хорошо, он умеет смотреть за детьми, так что можешь спокойно мне все рассказать.

– Смотреть за ней Петеру труда не составит, – заметила Дета, – для своих пяти лет она очень даже смышленная. Откроет глазищи и все смотрит, где чего происходит. Ничего, пускай освоится с козами, у старика ведь, кроме двух коз, и нет ничего.

– А раньше у него, поди, больше было? – полюбопытствовала Барбель.

– У него-то? Да уж, раньше у него чего только не было, – с жаром подхватила Дета. – У него был один из лучших дворов в Домлешге. Он был старший сын, имел еще младшего брата. Тот был парень тихий, порядочный. А старший ничего не желал делать, только строил из себя

хозяина, разъезжал повсюду, путался со всякими темными людишками, которых никто и знать не знал. Все свое хозяйство он прокутил да проиграл, а как это выяснилось, отец с матерью с горя и померли. Брат, которого он тоже вконец разорил, ушел куда глаза глядят, и никто его больше с тех пор не видел. Да и сам Дядя, у которого ничего, кроме худой славы, не осталось, тоже куда-то сгинул. Сперва никто не знал, где он, потом прослышали, что он подался в Неаполь, на военную службу, а потом опять лет двенадцать, а то и пятнадцать о нем не было ни слуху ни духу. И вдруг, в один прекрасный день, он появился в Домлешге с сынишкой-подростком и хотел устроиться у родственников. Но перед ним все двери закрылись, никто его и знать не желал. Это очень его огорчило, и больше он в Домлешг носа уже не казал, а пришел в Деревеньку и поселился тут со своим мальчонкой. Жена его, которую он встретил там, внизу, и вскоре потерял, была родом из Граубюндена. У него еще водились кое-какие деньжата, и он отдал своего парнишку, его Тобиасом звали, обучаться ремеслу. Тот выучился на плотника и стал очень даже приличным человеком, которого все в Деревеньке любили. Но вот старику никто не доверял, поговаривали, что он из Неаполя дезертировал, а иначе бы ему плохо пришлось, кого-то он там, говорили, убил, не на войне, сама понимаешь, а в драке. Мы-то, никуда не денешься, признавали это родство, ведь бабушка моей матери и его бабушка были родными сестрами. Вот мы и стали звать его дядей, а поскольку по отцу мы в родстве почти что со всей Деревенькой, то его все стали звать дядей. А уж как он ушел жить в горы, так стал зваться Горным Дядей.

– А что же вышло с этим Тобиасом? – взволнованно спросила Барбель.

– Погоди, куда ты так торопишься, не все сразу, – заметила Дета. – Ну и вот, Тобиаса отдали в учение в Меле, а когда он выучился, то вернулся в Деревеньку и взял в жены мою сестрицу Адельхайду, потому как они всегда друг дружке любы были, и когда поженились, очень ладно жили. Но только недолго это длилось. Уже через два года, когда Тобиас работал на постройке дома, на него свалилась балка и пришибла его насмерть. А как его, убитого, принесли домой, Адельхайда сразу от горя и ужаса впала в горячку, да так от нее и не отошла. Она и вообще-то не отличалась здоровьем, бывало, и сама не поймет, во сне что-то с нею было или наяву. А тут мало-мало месяц прошел со смерти Тобиаса, а мы уж и Адельхайду схоронили. Люди и так уж судили да рядили о горькой судьбе обоих, а тут стали поговаривать, сперва тихо, а потом и громко, что это, мол, кара дяде за его безбожную жизнь. Ему это даже в глаза говорили, и пастор все взывал к его совести, уговаривал покаяться, но он только еще угрюмее да строптивее становился и вообще уже ни с кем не разговаривал. Ну и люди тоже его сторонились. И вдруг стало известно, что дядя ушел в горы и не желает спускаться. Вот с тех пор он там и живет, в разладе с Богом и с людьми.

А ребеночка Адельхайды мы с мамой взяли к себе, девочке тогда только годик исполнился. Но прошлым летом моя мама померла и мне пришлось поехать в Бад Рагатц на заработки, а девочку я на лето отдала старой Урсель в Пфедферсердорфе. Конечно, я могла бы и на зиму остаться в Рагатце, там всегда найдется работа, я ведь и шить, и штопать мастерица, да из-за девчонки не вышло. А весной опять приехали господа из Франкфурта, те самые, у кого я в прошлом году работала, и они опять позвали меня с собой. Так что послезавтра мы уезжаем. Место, доложу я тебе, очень даже хорошее.

– А ребеночка ты, значит, хочешь этому старикану оставить? И что ты себе думаешь, Дета? Разве ж такое возможно, разве ж это по-божески? – укоризненно проговорила Барбель.

– А ты что себе думаешь? – вскинулась Дета. – Я свое для этой девчонки уже сделала, да и куда мне с ней деваться-то? Разве ж могу я взять с собой во Франкфурт ребенка, которому еще и пяти годков нет? А кстати, ты куда это идешь, Барбель? Мы ведь уж полдороги протопали!

– А я как раз и пришла, куда мне надобно, – отвечала Барбель. – Мне с Козьей Петершей поговорить охота. Она зимой мне прядет. Ну, будь здорова, Дета, счастливо тебе!

Дета протянула руку приятельнице и подождала, покуда та войдет в маленький, темно-коричневый домик, стоявший в небольшой впадинке в нескольких шагах от тропы, где он был надежно защищен от горных ветров. Если считать от Деревеньки, хижина эта находилась на полпути к альпийским пастбищам, и прямо счастье, что стояла она во впадинке, ибо это была такая ветхая развалюха, что жить в ней казалось просто опасно, ведь когда дует фён¹, двери в хижине, и окна, и балки – все ходит ходуном и дрожмя дрожит. Если бы хижина стояла наверху, на пастбище, ее бы оттуда попросту сдуло.

Здесь жил Козий Петер, одиннадцатилетний мальчуган, который каждое утро являлся в Деревеньку за козами и гнал их вверх, на пастбище, чтобы они до самого вечера лакомились там горными травами. Затем Петер со своими легконогими козами спускался в Деревеньку и, свистнув в два пальца, ждал, покуда хозяева разберут коз. Обычно за козами приходили мальчишки и девчонки, потому что козы – не страшные звери, и за все лето это была для Петера единственная возможность пообщаться с себе подобными. Обычно он общался только с козами.

Дома его ждала мама и слепая бабушка, но так как по утрам он уходил из дому ни свет ни заря, а возвращался из Деревеньки уже затемно, больно уж хотелось ему поболтать с деревенскими ребятишками, то дома он бывал ровно столько времени, сколько требуется, чтобы утром и вечером выпить молока с хлебом и завалиться спать. Его отец, которого тоже звали Козьим Петером, поскольку в юности он тоже пас коз, лет пять назад погиб во время рубки леса. Его вдову, мать Петера, все звали Козьей Петершей, а слепую бабушку и стар и млад так и звали бабушкой.

Дета подождала минут десять, все озираясь по сторонам, не видно ли где детишек с козами. Но их нигде не было. Она поднялась еще немного выше, откуда лучше была видна округа, и вновь принялась в нетерпении озираясь. Дети между тем шли по широкой боковой тропе. Петер хорошо знал, где его козочек ждут вкусные, сочные травы и кусты. Потому-то и вел он свое стадо окольными путями. Девочка сперва с трудом карабкалась за ним, ей было жарко и очень неудобно в своих теплых одежках. Она выбивалась из сил. Однако ни слова не говорила; только пристально смотрела то на Петера, который босиком, в легких штанах резво прыгал по камням, то на тонконогих коз, которые еще резвее скакали через кусты и камни и даже умудрялись взбираться по отвесным склонам. Потом вдруг девочка опустилась наземь, быстренько скинула с ног тяжелые ботинки и чулки, вскочила, сорвала с себя толстый красный платок, расстегнула платье, мгновенно сняла его и точно так же поступила со вторым. Дело в том, что тетя Дета поверх ее обычной одежки напялила на племянницу и воскресное платье, чтобы не тащить его в руках. Теперь на девочке осталась только легкая нижняя юбка и рубашонка без рукавов. Девочка с наслаждением подставляла солнцу голые руки. Сложив снятые вещи в кучку, она вприпрыжку помчалась за козами, догнала Петера и пошла с ним рядом, словно закадычная подружка. Петер не видел, что делала девочка, когда отстала от него, но теперь, увидав ее уже в новом обличье, он весело рассмеялся. Оглянувшись, Петер увидел сложенные кучкой одежки. Лицо его расплылось в улыбке. Вот уж поистине рот до ушей, хоть тесемочки пришей.

Но он ни словечка не проронил. А девочка, чувствуя себя теперь легко и свободно, завела с ним разговор, и Петеру волей-неволей пришлось отвечать на множество ее вопросов. Девочке хотелось знать, сколько у него коз, куда он с ними идет и что он там будет делать. Так, за разговорами, дети наконец добрались до хижины Петера, где лицом к лицу столкнулись с тетей Детой. Но при виде этой парочки Дета всплеснула руками и запричитала:

¹ Фён – южный ветер в Альпах.

– Боже праведный, Хайди, что ты наделала! Что за вид у тебя? Где твои платья, где платок? А ботинки? Я же тебе новые ботинки купила, горные, и чулки новые связала! А теперь все, все пропало! Да скажи же мне, Хайди, куда ты вещи подевала?

Девочка спокойно показала пальцем вниз:

– Вон они!

Тетка посмотрела вниз. И верно, там лежала какая-то кучка. И сверху красное пятно, должно быть платок.

– Ох ты, горе мое! – в сердцах крикнула Дета. – И что это тебе в голову взбрело раздеваться?

– А мне все это не нужно, – отвечала девочка. По ее виду нельзя было сказать, что она очень уж раскаивается.

– Ах ты, горемыка неразумная, видать, ты еще совсем ничего в жизни не понимаешь, да? – продолжала причитать тетка. – Да ведь туда спускаться добрых полчаса! Давай-ка, Петер, слетай туда мигом и принеси ее вещички, живей-живей, чего уставился? Да не стой ты как истукан!

– Я и так нынче припозднился, – медленно проговорил Петер и засунул руки в карманы.

– Нечего тут на меня глаза тарашить! Ты, похоже, никуда бежать не собираешься, так? – напустилась на него Дета. – А вот и зря, тебе может кое-что перепасть, вот видишь это? – Она показала ему новенькую монетку в пять пфеннигов. Монетка ослепительно блестела.

Тут Петер сорвался с места и ринулся вниз кратчайшим путем. Он несся огромными скачками, и вот уже он возле Хайдиного барахлишка, хватя, и в мгновение ока вернулся назад. Дета принялась нахваливать Петера и вручила ему монетку. Он спрятал ее в карман и расплылся в широкой улыбке. Ему нечасто перепадали такие сокровища.

– Ты еще сможешь донести эти вещички до Горного Дяди, тебе ведь все равно туда надо, – заявила тетка Дета, собираясь карабкаться на гору, высившуюся за хижинкой Козьей Петерши.

Петер охотно взялся за новое поручение и последовал за теткой, держа в левой руке узелок, а в правой хворостину, которой погонял коз. Хайди и козы радостно прыгали рядом с ним. Таким вот образом через три четверти часа они добрались до горного пастбища, где на выступе скалы стояла хижина Горного Дяди, открытая всем ветрам и всем лучам солнца. Отсюда открывался широкий вид на долину. Позади хижинки росли три старые ели с длинными разлапистыми ветвями, которые, конечно, здесь никто и не думал подрезать. А за елями начались прекрасные, богатые травами холмы, а уж за ними высились старые серые скалы.

Рядом с хижинкой Горный Дядя поставил скамейку, сидя на которой можно было смотреть на долину. Здесь он и сидел, держа в зубах трубку и обеими руками упершись в колени. Старик спокойно наблюдал, как карабкались вверх козы, дети и тетка Дета. Дети и козы намного опередили Дету. Первой добралась до места Хайди. Она сразу же направилась к старику, протянула ему руку и сказала:

– Здравствуй, дедушка!

– Так-так, и как же это прикажете понимать? – грубо спросил старик, коротко пожал протянутую руку и уставился на девочку долгим проницательным взглядом.

Хайди ответила ему столь же долгим взглядом, ни разу даже не моргнув, потому что дедушка с длинной бородой и лохматыми бровями, сросшимися на переносице и похожими на частый кустарник, был такой чудной, что Хайди, конечно же, должна была его как следует разглядеть. Между тем Дета с Петером тоже добрались до хижинки. Мальчик замер, наблюдая, что же будет.

– Доброго вам здоровычка, дядя, – пропела Дета, подходя поближе. – Вот, привела к вам ребеночка Тобиаса и Адельхайды. Вы небось и не узнаете ее, вы ж ее последний раз видали, когда ей только еще годик был.

– Так-так, а что, спрашивается, ребенку у меня делать? – сразу сказал старик. И тут же обратился к Петеру: – Эй ты, бери своих коз и ступай отсюда, да моих прихвати, ты сегодня что-то позднечко.

Петер послушался и сразу же исчез, уж больно он боялся, когда старик так долго на него смотрит.

– Придется девчонке у вас остаться, дядя, – заявила Дета. – Я и так с ней целых четыре года возилась. Теперь ваш черед, пора и вам о ней немножко позаботиться.

– Так-так, – проговорил старик, бросив на Дету сверкающий взгляд. – А что, ежели девчонка начнет скучать по тебе, ныть, хныкать, как все малые да неразумные дети, что мне тогда прикажешь делать?

– А это уж ваша забота, – отвечала Дета. – Меня ведь тоже никто не учил, как с нею быть, когда она у меня осталась на руках. А мне ведь еще мать и себя обиходить надо было. Но теперь я нашла хорошую работу, а ближе вас у ребенка и нет никого. Так что, ежели вы не желаете ее при себе держать, то делайте с ней что хотите. Ну а коли с ней что приключится, то спрос, ясное дело, будет с вас, только, я думаю, вы не захотите еще один грех на душу взять.

Конечно, совесть у Деты была нечиста, поэтому она так и горячилась и сказала куда больше, чем собиралась. При ее последних словах старик поднялся и смерил ее таким взглядом, что она невольно попятилась. Затем он вытянул руку и процедил сквозь зубы:

– Убирайся отсюда, да поживее, и чтобы духу твоего здесь больше не было!

Дета не заставила его повторять это дважды.

– Что ж, счастливо оставаться, – сказала она. – И тебе тоже, Хайди!

И тетя Дета припустилась с горы рысцой и неслась так до самой Деревеньки, волнение гнало ее не хуже, чем сила пара гонит паровоз. В Деревеньке ее опять стали зазывать со всех сторон, все хотели узнать, куда же подевался ребенок. Дету здесь все знали, знали и чья это девочка, и что случилось с ее родителями. Из всех дверей и окон звучал один и тот же вопрос:

– Где девочка, Дета? Куда ты девала ребенка?

А Дета очень неохотно отвечала:

– Она наверху, у Горного Дяди! У Горного Дяди, я вам говорю! Вы что, не слышали?

Очень скоро ее взяла досада, потому что женщины со всех сторон кричали ей:

– Да как ты могла так поступить!

Или:

– Ох, горемыка!

Или:

– Такую беспомощную малютку оставить у этого старика!

Дета бежала со всех ног и рада была, что уже ничего больше не слышит, потому что у нее самой на душе кошки скребли. Мать на смертном одре препоручила девочку ей. Но стараясь успокоить свою совесть, она говорила себе, что, ежели у нее будет много денег, ей легче будет сделать для малютки что-нибудь доброе. Как же хорошо, что скоро она окажется вдали от всех этих людей, которые только и знают, что судачить за ее спиной. Ну ничего, зато теперь у нее будет хороший заработок!

У дедушки

Когда Дета скрылась из виду, старик снова уселся на лавку и задымил своею трубкой. Он сидел, опустив глаза долу, и не говорил ни слова. А Хайди тем временем с интересом озиралась вокруг. Приметив пристроенный к дому сарайчик для коз, заглянула туда. Там было пусто. Девочка продолжила свой осмотр и зашла за дом, где стояли старые ели. Налетевший вдруг сильный ветер завыл и засвистал в верхушках елей. Хайди замерла и прислушалась. Когда ветер немного утих, девочка обошла хижину с другой стороны и опять приблизилась к деду. Он все еще сидел в той же позе. Хайди встала прямо перед ним и, заложив руки за спину, принялась внимательно его разглядывать. Старик поднял глаза.

– Что ты хочешь? – спросил он девочку, неподвижно стоящую перед ним.

– Хочу посмотреть, что там у тебя в доме, – храбро сказала Хайди.

– Ну что ж, пойдем! – Старик поднялся и пошел к дому. Уже в дверях он обернулся и приказал девочке: – Захвати свой узелок с платьями!

– Они мне больше не нужны! – решительно заявила Хайди.

Старик смерил девочку пронзительным взглядом. Ее черные глазенки сияли в предвкушении того, что она увидит в доме.

– А она не так уж глупа, – вполголоса произнес старик. – Почему же они тебе больше не нужны? – спросил он уже в полный голос.

– А мне больше нравится ходить, как козы, они так здорово лазают по горам!

– Это можно, – сказал старик. – Но вещички ты все-таки возьми, мы их в шкаф положим.

Хайди послушалась. И вот дедушка открыл дверь, и Хайди за ним вошла в довольно большую комнату. Эта комната была единственной в доме. Там стоял стол, а возле него стул. В углу была постель, в другом углу над очагом висел большой котел. В одной из стен виднелась дверь. Старик открыл ее. Это оказался шкаф. Там висела одежда, на одной полке лежали рубашки, носки и платки, а на второй стояли тарелки, чашки и стаканы. На самой верхней полке лежал круглый хлеб, копченое мясо и сыр. В этот шкаф вмещалось все, чем владел Горный Дядя, и все, что ему было нужно для жизни. Едва он открыл дверцу, как Хайди подскочила к шкафу и зашвырнула свой узелок подальше, за дедову одежду, чтобы его не так просто было оттуда достать. Затем она внимательно оглядела комнату и осведомилась:

– Дедушка, а где я буду спать?

– А где хочешь, – ответил дед.

Это Хайди пришлось по нраву. Она заглянула во все углы, обследовала каждый закуток в поисках места, где ей хотелось бы спать. В углу напротив дедовой кровати стояла маленькая стремянка. Хайди влезла по ней на чердак, где лежало много свежего ароматного сена и сквозь круглое оконце открывался дивный вид на долину.

– Здесь хочу спать! – крикнула Хайди. – Здесь так хорошо! Иди сюда, дедушка, посмотри, как тут хорошо!

– Да знаю, знаю, – донеслось снизу.

– Сейчас я сделаю себе постель! – крикнула девочка, принимаясь снова взад и вперед по чердаку. – А ты, дедушка, иди сюда и принеси мне простыни, на постель обязательно нужны простыни, без них нельзя спать!

– Так-так, – проговорил дедушка и, немного подумав, начал рыться в шкафу. Наконец среди своего белья он отыскал довольно большой кусок грубого полотна, который вполне мог сойти за простыню. Он отнес его на чердак. Там уже была устроена настоящая постель. Ровная, с возвышением для головы. С этой постели можно было, не вставая, смотреть в круглое оконце.

– Молодчина! – похвалил старик внучку. – А вот тебе и простыня, ага, погоди чуток!

Он взял большую охапку сена и сделал постель вдвое толще прежнего, чтобы девочке было помягче.

– Вот, теперь можешь стелить!

Он передал девочке кусок полотна, Хайди сразу его схватила, но оно оказалось таким тяжелым, что она едва смогла его удержать. Однако это было не так уж плохо, сквозь толстую грубую ткань сено не будет колоться. Они вдвоем расстелили полотно на сене, и Хайди деловито подоткнула концы. Теперь постель выглядела чистой и аккуратной. Хайди в задумчивости смотрела на нее.

– Мы еще что-то забыли, дедушка, – проговорила она.

– И что же мы забыли?

– Одеяло. Потому что, когда ложишься спать на простыню, надо укрываться одеялом.

– Ты так считаешь? А если у меня нет одеяла? – спросил старик.

– Не беда, – успокоила его девочка. – Сеном и укрыться можно.

И она уже собралась принести себе еще сена, но тут старик сказал:

– Постой-ка. – Он спустился вниз и вскоре принес на чердак большущий тяжелый полотняный мешок. – Разве это не лучше, чем сено?

Хайди изо всех сил старалась развернуть мешок, но никак не могла с ним справиться. Дед пришел ей на помощь, и вот уже постель была постелена по всем правилам. Хайди с восторгом оглядела свое ложе.

– Какое чудесное одеяло, и вообще вся постель такая красивая! Я хочу, чтобы скорей была ночь!

– А я полагаю, нам с тобой не мешало бы перекусить, – сказал дедушка. – А ты как думаешь?

За хлопотами с постелью Хайди обо всем на свете позабыла, но едва дед упомянул о еде, как у девочки проснулся аппетит. Она сегодня ничего не ела, только рано утром проглотила кусочек хлеба с жидким кофе, а путь проделала немалый.

– Я тоже так думаю!

– Ну, раз уж мы с тобой думаем одинаково, то пошли вниз, – сказал старик и стал спускаться вслед за девочкой.

Затем он подошел к очагу, отодвинул висевший на цепи большой котел и пододвинул к огню маленький котелок, а сам уселся на круглый табурет с тремя высокими ножками и раздул яркое пламя. Вскоре в котелке что-то забулькало. Старик протянул к огню на длинной железной вилке большой кусок сыра и держал его до тех пор, покуда сыр со всех сторон не покрылся золотисто-желтой корочкой. Хайди с напряженным вниманием следила за стариком. Вот еще что-то новое, это надо запомнить. И вдруг она вскочила и бросилась к шкафу.

Когда дед с котелком и поджаренным сыром на длинной вилке подошел к столу, стол был уже накрыт. Посредине лежал круглый хлеб, стояли две тарелки, лежали два ножа, все очень аккуратно, честь по чести.

– Так-так, вот хорошо, что ты сама действуешь, – одобрил ее дед и положил сыр на хлеб, как на тарелку. – Но кое-чего тут на столе еще не хватает.

Хайди учуяла вкусный пар из котелка и поспешила опять к шкафу. Там стояла одна-единственная плошка, Хайди, не долго думая, схватила ее и еще два стакана.

– Вот молодчина, не теряешься! А где ты собираешься сидеть?

На единственном стуле уже сидел дедушка. Хайди подскочила к очагу, схватила обеими руками трехногий табурет и приволокла его к столу. Затем не без труда уселась на него.

– Так-так, теперь тебе есть на чем сидеть, что верно, то верно, да только так тебе очень низко, – сказал дед. – Для моего стула ты тоже еще очень мала, до стола не дотянешься. Надо что-то придумать! Вот что мы сделаем!

С этими словами он встал, налил молока в плошку, поставил плошку на свой стул и пододвинул его к табуретке. Теперь его стул служил Хайди столом. Старик положил на стул большой ломоть хлеба и кусок золотистого сыра.

– Ешь!

Сам же он уселся на угол стола и принялся за еду.

Хайди припала к плошке с молоком и пила, пила, никак не могла напиться, ибо после долгого путешествия ее мучила страшная жажда.

– Вкусное молоко-то?

– Сроду такого вкусного не пила, – отвечала Хайди.

– Дай-ка я еще тебе налью, – сказал старик и снова до краев наполнил плошку.

Девочка с наслаждением впиалась зубами в хлеб с мягким, как масло, сыром. Это было до ужаса вкусно! Хайди запивала это чудо молоком, и вид у нее был страшно довольный.

Когда с едой было покончено, дед отправился наводить порядок в хлеву. Сперва он аккуратно все подмел метлой, потом насыпал свежей соломы, чтобы козам было мягко спать. Затем он пошел в сараюшку, вырезал там два круглых чурбачка и положил на них доску. Получилось что-то вроде дедушкиного стула, только много выше. Хайди следила за дедом, онемев от удивления.

– Как по-твоему, Хайди, что это такое?

– Это мой стул. Какой высокий! Надо же, как быстро ты это сделал! – задыхаясь от удивления и восторга, пробормотала девочка.

– Девчонка понимает, что видит, у ней глаза там, где надо, – пробурчал дед себе под нос, расхаживая с молотком, гвоздями и кусочками дерева и то тут, то там вбивая гвозди. Он что-то укрепил на двери сарая, еще где-то что-то подправил и починил. Хайди неотступно следовала за ним, не сводя с деда внимательных глаз. Все происходящее безмерно ее занимало.

Между тем настал вечер. В старых елях опять зашумело, поднялся сильный ветер, он с воем и свистом раскачивал их верхушки. Эти звуки так пришлись по сердцу Хайди, что она принялась весело скакать под елями, словно переживая невесть какую радость. Дед стоял в дверях сарая и смотрел на девочку. Вдруг раздался пронзительный свист. Хайди замерла на месте, а дед вышел из сарая. Сверху стремительно, словно от погони, бежали козы, а за ними Петер. Хайди с радостным воплем кинулась навстречу давешним знакомцам. Поздоровалась с Петером и с козами тоже. Добежав до хижины, стадо вдруг успокоилось, и из него сами вышли две стройные козочки, белая и бурая. Они подошли к дедушке и принялись лизать его руки. Встречая по вечерам своих коз, он всегда брал в руки немного соли. Петер погнал свое стадо дальше. Хайди нежно гладила обеих козочек, прыгала вокруг них вне себя от счастья.

– Они наши, дедушка? Обе наши? Они пойдут в хлев? Они всегда будут с нами? – так и сыпала вопросами Хайди, а дед едва успевал отвечать: «Да, да, да!»

Когда козы, наконец, слизали всю соль, старик сказал:

– Пойди принеси сюда свою миску и хлеб!

Хайди мигом принесла все, что было велено. Старик тут же надоил от белой козочки полную плошку молока, отрезал кусок хлеба и сказал:

– А теперь поешь и ступай наверх спать! Тетка Дета оставила узелок для тебя, там твои рубашонки и еще какие-то вещи. Если тебе это нужно, то все лежит внизу, в ящике. А мне надо загнать коз! Ступай спать!

– Доброй ночи, дедушка! Доброй ночи... Дедушка, как их зовут? Как их зовут? – вслед старику закричала девочка.

– Белую зовут Лебедкой, а бурую Медведкой, – отвечал старик.

– Доброй ночи, Лебедка, доброй ночи, Медведка! – во весь голос крикнула Хайди, потому что козы уже скрылись в хлеву.

Хайди села на лавку и принялась за хлеб с молоком, но ветер был такой, что ее едва не сдувало с лавки. Быстро покончив с ужином, она вбежала в дом и сразу полезла к себе на чердак. Едва улегшись на свою душистую постель, Хайди мгновенно уснула, да так крепко и сладко, как можно спать только в королевской постели. А вскоре, когда еще даже не вовсе стемнело, улегся спать и старик, ибо утром он поднимался вместе с солнцем, а оно в эти летние дни вставало над горами очень рано. Ночью дул такой ветер, что хижина дрожмя дрожала, а балки громко скрипели. В трубе завывало, казалось, там кто-то жалобно стонет. Ели раскачивались так, что многие ветки ломались и падали наземь.

Среди ночи старик встал и сказал вполголоса:

– Она, чего доброго, может испугаться!

Он поднялся на чердак и посмотрел на спящую Хайди. На небе светила луна, но тут ее заволокло облаками, и сразу стало темно. Однако вскоре луна опять заглянула в круглое оконце и свет ее упал на постель Хайди. Девочка спала под своим тяжелым одеялом, подложив руку под голову, щечки ее покраснелись, ей явно снилось что-то хорошее. Старик долго смотрел на спящее дитя, покуда луна вновь не скрылась за тучами. Тогда он спустился вниз и снова лег.

На пастбище

Ранним утром Хайди проснулась от громкого свиста. Когда она открыла глаза, золотистый солнечный свет падал сквозь круглое оконце на ее постель, на сено. Весь чердак казался золотым. Хайди удивленно озиралась, не понимая, где это она. Но тут снизу послышался басовитый голос деда, и она сразу все вспомнила. Какое счастье, что теперь она будет жить здесь, на альпийском пастбище у бабушки! А не у старой Урсель, которая почти ничего не слышит и все время мерзнет, так что ей приходится вечно сидеть или в кухне у плиты, или в комнате у печки. И Хайди тоже приходилось все время торчать где-то поблизости, поскольку Урсель была туга на ухо. Хайди порой делалось невмоготу, ей было тесно в четырех стенах, хотелось выбежать наружу, на вольный воздух. Как же она обрадовалась, проснувшись нынче на новом месте и вспомнив, сколько всего нового она увидела вчера! И сегодня она все это опять увидит! И главное – Лебедку и Медведку. Хайди вскочила с постели и мгновенно нацепила на себя все, в чем была вчера, прямо скажем, немного. Затем она спустилась с чердака и выбежала из дому. Там уже стоял Козий Петер со своим стадом, а бабушка как раз выгонял из хлева Лебедку с Медведкой. Хайди бросилась ему навстречу, спеша поздороваться и с козами, и с бабушкой.

– Хочешь тоже пойти на выгон? – спросил дед.

Хайди запрыгала от радости.

– Только сперва надо хорошенько помыться, а то солнышко тебя засмеет, ежели увидит, какая ты чумазая. Вот, гляди, я тут для тебя все приспособил.

И дед указал на большую кадку с водой, стоявшую на солнышке у двери. Хайди прыгнула в кадку и принялась там плескаться и скрестись, покуда не засияла чистотой. А дед между тем зашел в хижину и крикнул оттуда Петеру:

– Иди-ка сюда, козий генерал, да прихвати свою торбочку с хлебом.

Удивленный Петер пошел на зов и протянул старику торбочку со своим скудным обедом.

– Развяжи! – распорядился старик и сунул в торбочку краюху хлеба и такой же кусок сыра. Петер от удивления вытаращил глаза: эти оба куска были куда больше его собственной порции. – Так-так, сюда и плошка войдет, – продолжал старик, – ребенок ведь не может пить молоко, как ты, прямо из вымени. Надоишь девочке две плошки на обед, потому как она пробудет с тобой весь день. Да смотри, чтоб она со скалы не свалилась, слышишь?

Тут как раз вбежала Хайди.

– Бабушка, а, бабушка, теперь солнышко уже не будет надо мной смеяться? – живо спросила она. Девочка так рьяно вытиралась грубым полотенцем, которое дед оставил возле кадки, что лицо, шея и плечи были у нее красными, как вареный рак. Уж очень она боялась насмешки солнца. Дед улыбнулся.

– Нет, теперь ему уже не над чем смеяться, – успокоил он ее. – А знаешь что, Хайди? Вечером, когда вернешься, тебе надо будет опять залезть в кадку и поплескаться там, как рыбка. А то, когда целый день ходишь с козами, ноги делаются черные-пречерные. Ну теперь можете отправляться!

До чего же радостной была дорога вверх, на выгон! Утренний ветер унес с собою последние ночные облачка. Небо было ярко-синим, солнце заливало сиянием зеленые луга, голубые и желтые цветы поворачивали к солнцу свои головки. Хайди прыгала и визжала от восторга. Каких только цветов тут не было! И изящный красный первоцвет, и восхитительная синяя горечавка, и золотистый ладанник с нежными лепестками смеялся и кивал навстречу солнцу. Захваченная красотой луговых цветов, Хайди позабыла о козах и даже о Петере. Она вприпрыжку мчалась вперед, то и дело бросаясь в разные стороны навстречу то красному, то желтому сиянию. Ей хотелось поспеть повсюду. Она рвала цветы и складывала их в свой передник. Она все их возьмет домой и усыплет ими сено в своей чердачной спальне, чтобы там было

так же красиво, как здесь. Петеру нынче приходилось все время быть начеку, и его круглым глазенкам, обычно не очень быстрым, сегодня было много работы. Ибо козы вели себя так же, как Хайди, – они тоже прыгали туда и сюда, и мальчику приходилось непрерывно свистеть, кричать и работать хворостинкой, чтобы собрать их всех вместе.

– Куда ты опять девалась, Хайди? – крикнул он почти уже свирепо.

– Я здесь! – донеслось откуда-то.

Но Петер ее не видел, так как Хайди сидела на земле за маленьким холмиком, заросшим ароматными цветами под названием божья помочь. Воздух вокруг был напоен этим ароматом. Никогда в жизни Хайди еще не приходилось вдыхать ничего более прекрасного. Она сидела среди цветов и буквально пила этот воздух.

– Идем со мной! – крикнул Петер. – Не то свалишься со скалы, а это нельзя, Горный Дядя запретил!

– А где тут скалы? – осведомилась Хайди, не трогаясь, однако, с места, уж больно приятно обвевал ее ветерок сладостным ароматом божьей помочи.

– Да вон они! Пошли скорее, нам еще далеко идти! Там, на самом верху, живет орел!

Это помогло. В мгновение ока Хайди вскочила и побежала к Петеру с полным передником цветов.

– Хватит с тебя, – сказал Петер, когда они вновь карабкались вверх. – А то ты опять где-нибудь застрянешь. И потом, если ты нынче все цветы соберешь, тебе на завтра не останется.

Последний довод подействовал на Хайди, да и передник ее был уже полным-полнехонек. Это верно, надо и на завтра что-то оставить. Козы теперь шли не так беспорядочно, они уже издали учуяли дивный запах трав с высокогорного пастбища, и их неудержимо тянуло туда. Пастбище, куда Петер гнал своих коз, лежало у подножия высоких скал, внизу заросших кустарником и елями, их острые голые верхушки вонзались прямо в небо. С одной стороны пастбище обрывалось в глубокое ущелье, так что дедушка был прав, предостерегая детей. Добравшись до места, Петер снял с плеча свою торбочку и аккуратно положил ее в небольшую ямку, чтобы уберечь от внезапных и очень сильных здесь порывов ветра. Петер знал, как это бывает, – налетит ветер, и тогда ищи-свищи! Затем он разлегся на солнышке – отдохнуть после подъема. Хайди между тем сняла передник, полный цветов, аккуратно его скатала и положила в ямку рядом с припасами Петера. Затем она подсела к мальчику и стала озираться. Далеко внизу во всем блеске летнего утра лежала долина. Потом глазам девочки предстало большое снежное поле на фоне темно-синего неба, за полем высились чудовищные каменные глыбы, а справа и слева от них в синеву вонзались зубчатые каменные столбы. Хайди сидела, безмолвно глядя по сторонам. А кругом царил глубокая торжественная тишина. Легкий ветерок нежно касался прелестных голубых колокольчиков и сияющих солнцем цветов ладанника, которых тут было видимо-невидимо. На своих тонких стебельках они радостно клонились то в одну, то в другую сторону. Петер уснул после трудов праведных, а козы разбрелись по кустам. Никогда прежде у Хайди не было так хорошо на душе. Она упивалась золотым светом, свежим воздухом, нежным ароматом цветов и трав, и ничего ей больше не хотелось, только бы остаться тут навсегда. Так она сидела долго-долго, не сводя глаз с высоких скал, и ей уже начинало казаться, что каждая из них имеет свое лицо и все эти лица дружелюбно смотрят на нее, Хайди.

Вдруг до нее донесся громкий, пронзительный крик и клекот. Подняв глаза, она увидела, что над нею кружит огромная птица, она сроду таких не видывала, с широко раскинутыми крыльями.

– Петер, Петер, проснись! – завопила Хайди. – Смотри, смотри, это орел, он здесь, смотри скорее!

Петер мигом вскочил и вместе с Хайди стал следить за птицей, что взмывала все выше и выше и наконец исчезла за скалами.

– Куда он полетел? – спросила Хайди.

- Домой, в гнездо, – отвечал Петер.
- У него дом так высоко? О, как там должно быть красиво! А почему он так кричит?
- Так ему положено, – объяснил Петер.
- Давай полезем туда и поглядим, где он живет, – предложила Хайди.
- Да ты что! – возмутился Петер. – Туда ни одна коза не залезет, это во-первых, а во-вторых, дедушка не велел тебе со скалы падать.

Но тут вдруг Петер так громко свистнул и заорал во все горло, что Хайди вконец растерялась – что бы это значило? Однако козы прекрасно его поняли и одна за другой поскакали вниз, к мальчику, и вот уже все стадо собралось на зеленом склоне. Одни продолжали жевать сочную траву, другие просто резвились на лугу, а третьи, чтобы провести время, бодались друг с дружкой. Хайди тоже стала носиться по лугу вместе с козами. Она впервые увидела эту веселую, необычайно забавную картину – козы игры на траве. Хайди подбегала то к одной, то к другой козе и знакоилась с каждой в отдельности, ведь тут каждая коза была наособицу, со своим обликом и повадками. Петер между тем вытащил из ямки свою торбу и аккуратно разложил на траве все четыре куска, которые там лежали. Большие куски – для Хайди, поменьше для себя, ведь он хорошо знал, где чье добро. Затем он надоил полную плошку парного пахучего молока от Лебедки и поставил мисочку в середину аккуратного четырехугольника, получившегося из кусков хлеба и сыра. Наконец, он позвал Хайди, но звать ее пришлось долго, куда дольше, чем коз, ибо девочка так увлеклась играми со своими новыми друзьями и подружками, что ничего уже не видала и не слыхала. Но Петер знал свое дело и крикнул так, что, казалось, горы задрожали. Хайди тут же прибежала и, увидев аккуратно и аппетитно разложенную снедь, пришла в полный восторг.

– Хватит прыгать, – распорядился Петер, – пора обедать. Садись и ешь!

Хайди послушно села.

– Это мое молоко? – спросила она, продолжая восхищенно созерцать аккуратный четырехугольник с миской посредине.

– Твое, – отвечал Петер. – И эти два больших куска тоже твои. А как выпьешь молоко, получишь еще, я надою от Лебедки. Потом моя очередь.

– А ты чье молоко будешь пить? – осведомилась Хайди.

– Улитки, это моя коза. Ну давай, ешь! – поторопил ее Петер.

Хайди начала с молока, и едва она опорожнила плошку, как Петер поднялся и надоил еще одну. Хайди отломил кусок от своей краюхи, а то, что осталось, – много больше, чем хлеб Петера, – протянула мальчику вместе с большим куском сыра:

– Можешь это взять, я уже сыта.

Петер в безмолвном изумлении уставился на Хайди – как это так? Никогда в жизни он не мог сказать, что уже сыт, и вот так, запросто, отдать свой хлеб. Он еще немного помедлил, все не мог поверить, что Хайди говорит серьезно. Наконец, он принял ее дар, кивнув в знак согласия и благодарности, и впервые за свою бытность козым пастухом пообедал так роскошно. Хайди тем временем разглядывала коз.

– Как их всех зовут, Петер?

Петер отлично знал всех коз по именам и мог тем легче хранить все это в голове, чем меньше там было каких-либо других знаний. Он без запинки начал перечислять все козы клички, всякий раз тыча в поименованную козу указательным пальцем. Хайди напряженно ему внимала и в скором времени уже сама могла различать всех коз по внешнему виду и по именам. Каждая коза отличалась чем-то своим, сразу запоминающимся. Например, большой козел Турок с мощными рогами все время бодался, и потому, стоило ему подойти, козы разбежались кто куда, не желая знаться с таким грубияном. Только храбрый Щеголек, стройный проворный козлик, не уклонялся от встречи с Турком, наоборот, он так быстро и ловко сталкивался с ним

рогами раза три или четыре, что большой Турок слегка оторопел и даже перестал задираться, а Щеголек со своими острыми рожками с веселым видом стоял перед ним.

Маленькая белая Снежинка то и дело блеяла, да так жалобно, что Хайди уже много раз подбегала к ней, гладила по голове, стараясь утешить. Вот и сейчас, услышав блеянье, девочка опять кинулась к Снежинке, положила руку на шею козочки и участливо спросила:

– Что с тобой такое, Снежинка? Почему ты все время жалуешься?

Снежинка доверчиво прижалась к девочке и затихла. Петер, продолжая жевать и прихлебывать молоко, крикнул:

– Она ноет, потому что Старуха с нами больше не ходит, ее позавчера продали в Майенфельд.

– Какая старуха?

– Мать ее, понятное дело.

– А бабушка ее где?

– Нет у ней никакой бабушки.

– А дедушка?

– И дедушки нет.

– Бедная моя Снежинка, сиротинушка, – нежно прижимая к себе козочку, причитала над нею Хайди. – Но все равно, хватит тебе плакать, теперь я буду каждый день с тобою сюда ходить, ты больше не будешь одна, а если что тебе понадобится, сразу мне скажи.

Снежинка ласково потерлась головой о плечо Хайди и заблеяла уже не так жалобно. Петер тем временем покончил с обедом и подошел к Хайди, которая по-прежнему с восхищением рассматривала коз.

Без сомнения, Лебедка с Медведкой были самыми чистыми и красивыми в стаде, казалось, они даже держатся с большим достоинством, нежели другие козы, предпочитают ходить по своим особым тропам и с особым презрением отклоняют приставания назойливого Турка.

Козы вновь стали разбредаться кто куда, и каждая – на свой манер. Одни – проказливо прыгая, другие – основательно обследуя каждую травинку, а Турок то и дело пытался возобновлять свои атаки. Лебедка с Медведкой красиво и легко взбирались по камням, выискивая кустики получше, и, удобно пристроившись, изящно их обгладывали. Хайди, заложив руки за спину, внимательно за всем наблюдала.

– Петер! – обратилась она к мальчику, вновь разлегшемуся на траве. – Знаешь, Петер, а Лебедка и Медведка – самые красивые!

– Да, знаю, – отвечал он. – Горный Дядя их в такой чистоте содержит, холит, моет, солью угощает, а хлев у него – просто загляденье.

И вдруг Петер вскочил и огромными прыжками понесся вслед за козами, Хайди кинулась за ним. Что-то случилось! Петер мчался к тому краю пастбища, где был обрыв, скалистый и голый. Если какой-нибудь козленок по опрометчивости туда забредет, то легко может сорваться и поломать ноги. Петер увидел, что любопытный Щеголек поскакал к обрыву, бросился за ним и поспел как раз вовремя, потому что Щеголек уже ступил на самый край. Петер хотел было его поймать, но внезапно упал и успел только в падении ухватить Щеголька за заднюю ногу. От неожиданности Щеголек сердито заблеял. Кто это смеет хватать его за ногу и портить удовольствие?! И он вознамерился продолжить путь. Петер позвал на помощь Хайди. Он никак не мог подняться и чуть не оторвал ногу Щегольку. Хайди подбежала, сумев мгновенно оценить бедственное положение обоих. Она сорвала пучок пахучей травы и сунула его под нос Щегольку, приговаривая:

– Пойдем, пойдем, Щеголек, будь умником! Смотри, ты же мог упасть, сломать ножку и тебе было бы ужасно больно!

Козлик быстро повернулся и с удовольствием сожрал траву из рук девочки. Тем временем Петер поднялся, схватил Щеголька за веревку, на которой болтался колокольчик. Хайди

взялась за веревку с другой стороны, и они вдвоем отвели неслуха к мирно пасущемуся стаду. Для пущей безопасности Петер поднял свою хворостину и хотел хорошенько всыпать своему нравному козлику, а тот, увидав, что ему грозит, испуганно отпрянул.

Но Хайди громко закричала:

– Нет, Петер, нет! Не бей его, не надо, посмотри, как он боится!

– Он заслужил хорошую трепку, – проворчал Петер и снова собрался огреть Щеголька хворостиной. Но Хайди повисла у него на руке, в негодовании крича:

– Не смей его бить, ему будет больно,пусти его!

Петер удивленно воззрился на Хайди, чьи черные глазенки так гневно сверкали, что он невольно опустил хворостину.

– Ладно уж, отпущу его, но только с условием: ты завтра опять дашь мне своего сыру, – пошел на уступку Петер, желая получить возмещение за пережитый испуг.

– Да пожалуйста, бери сколько хочешь, и не только завтра, а всегда, мне этот сыр вовсе не нужен, – мгновенно согласилась Хайди, – и хлеб я тебе тоже буду давать, много, как сегодня, но только за это ты никогда, никогда не станешь бить Щеголька... и Снежинку тоже... и вообще всех коз!

– А мне без разницы, – отвечал Петер, и это прозвучало как обещание.

Он отпустил провинившегося Щеголька, и тот большими скачками радостно помчался к стаду.

Так незаметно прошел день, и вот уже солнце стало клониться к закату. Хайди сидела на траве и молча любовалась голубыми колокольчиками и ладанником, залитыми золотистым вечерним светом. Даже трава казалась позолоченной, а скалы мерцали и искрились. Вдруг Хайди вскочила с криком:

– Петер! Петер! Смотри! Горит! Все горы горят! И снег на вершинах! И небо! О! О! Смотри, смотри, вот та высокая скала вся в огне!

– Тут всегда так, – простодушно отозвался Петер, откладывая в сторону свою хворостину. – Только никакой это не огонь.

– Не огонь? А что же? – спросила Хайди. Теперь она бегала взад и вперед, чтобы всюду заглянуть, все увидеть, и никак не могла наглядеться на эту удивительную красоту.

– Петер! Петер! Ну скажи, что это такое, скажи! – требовала Хайди.

– Понимаешь, это... это как-то само собой происходит, – объяснил Петер.

– О, посмотри! – взволнованно кричала Хайди. – Они все красные! И скалы, и снег! И горы! Петер, как их зовут?

– Горы никак не зовут, – отвечал мальчик.

– Ох, до чего ж красиво – красный снег! Смотри, как будто на скалах растет много-много роз! Ой, а сейчас они опять серые! Ой, ой, все потухло! Все кончилось, Петер!

Хайди в изнеможении опустилась наземь, и вид у нее был такой, словно для нее и в самом деле все кончилось.

– Завтра опять будет все то же самое, – утешил ее Петер. – Вставай, домой пора!

Громким свистом он созвал коз, и они пустились в обратный путь.

– И каждый день так бывает, да, Петер? – спрашивала Хайди, воодушевленная его словами.

– Почти.

– А завтра будет?

– Да, завтра уж точно, – заверил ее Петер.

Столько новых чувств и впечатлений нахлынуло на Хайди, что она всю обратную дорогу молчала. Наконец, она увидела деда, сидящего на лавке возле хижины. Там он по вечерам всегда поджидал своих коз. Хайди бросилась к нему, и Лебедка с Медведкою тоже. Они отлично знали хозяина и свой хлев.

Петер крикнул вслед Хайди:

– Завтра снова пойдем! Доброй ночи!

Ему очень хотелось, чтобы Хайди опять пошла с ним на пастбище.

Хайди подскочила к Петеру и протянула ему руку, обещая завтра опять пойти с ним.

Потом девочка обняла Снежинку и прошептала ей на ухо:

– Спи спокойно, Снежиночка, и помни: завтра я опять приду, так что не надо больше так жалобно блять.

Снежинка ласково и благодарно смотрела на Хайди.

Девочка вернулась к деду.

– О, дедушка, там было так чудесно! Огонь и розы на скалах, синие и желтые цветочки.

Смотри, что я тебе принесла!

И Хайди вытряхнула из аккуратно свернутого передника все свое цветочное богатство. Но что за вид был у бедных цветов! Хайди глядела на них, не узнавая. Более всего они напоминали сено.

– Ой, дедушка, что это с ними? – испуганно пролепетала Хайди. – Они сейчас совсем другие, почему?

– Просто они хотят расти себе на солнышке, а не лежать в твоём переднике, – объяснил дед.

– Тогда я больше не стану их рвать. Да, дедушка, а почему орел так громко кричит?

– Давай-ка ополоснись сперва, а я пойду надою молочка, мы с тобой вместе поужинаем, а уж потом я все тебе расскажу про орла.

Хайди послушалась. Уже сидя на высоком стуле с плоской молока в руках, девочка опять обратилась к деду с тем же вопросом:

– Почему орел так кричит?

– А он просто смеется над людьми, которые живут в тесноте, в деревнях и городах и только и делают друг дружке гадости.

И старик закричал, подражая орлу:

– Если б каждый из вас шел своим путем и поднялся в горы, как я, вам было бы куда лучше!

Дед прокричал это так, что Хайди невольно вспомнила клекот орла.

– А почему у гор нету имен, дедушка? – продолжала свои расспросы Хайди.

– У них есть имена, – отвечал старик. – И ежели ты сумеешь описать мне гору так, чтобы я ее узнал, я скажу тебе, как ее зовут.

Хайди так точно описала ему гору с высокими каменными столбами, что дед с удовольствием сказал:

– Все правильно, эту гору я знаю. Она называется Фалькнисс. А еще какую гору ты приметил?

Хайди описала гору с большим снежным полем, которое сначала вдруг окрасилось красно-розовым цветом, а потом вдруг потухло, стало серым.

– И эту я знаю, – сказал дед. – Это Кезаплана. Значит, понравилось тебе на пастбище?

И Хайди поведала ему все, что случилось за день, как там было красиво. Особенно ей полюбили вечерний огонь, и пусть дедушка скажет, откуда этот огонь берется, а то Петер ничего про это не знает.

– Понимаешь, – отвечал дед, – это от солнца. Когда оно желает горам доброй ночи, то посылает им свои самые красивые лучи, чтобы горы до утра его не забыли.

Такое объяснение очень понравилось Хайди, и она просто не могла дожидаться утра, чтобы снова пойти на выгон и снова увидеть, как солнышко желает горам доброй ночи. Но ничего не поделаешь, надо ложиться спать. И девочка сладко проспала на своем сенном ложе всю ночь. Ей снились сверкающие горы с красными розами наверху. А еще ей снилась резвая Снежинка.

У бабушки

На другое утро, вскоре после восхода солнца, явился Петер с козами, и они вновь отправились на высокогорное пастбище.

И так повторялось изо дня в день. Хайди загорела и так окрепла, что лучше и желать нельзя. Девочка жила радостно и счастливо, ни о чем не тревожась, как птичка в лесу. А когда настала осень, и зима уже подбиралась к горам, дедушка однажды сказал:

– Сегодня ты останешься дома, такой малышке нельзя идти на выгон, тебя оттуда ветром сдует.

Услыхав об этом, Петер страшно огорчился, он предчувствовал, что настал конец его вольготной жизни. Ведь за это время он забыл, что такое скука, да и к тому же привык каждый день получать добрую добавку к обеду.

Надо сказать, что и козы в последние дни тоже упрямылись, ему приходилось прилагать вдвое больше усилий, чтобы управляться с ними. Они тоже привыкли к обществу Хайди, без нее не желали идти вперед и разбегались в разные стороны. Хайди же никогда не унывала, она всегда видела впереди только радость. Больше всего она любила ходить с пастушком и козами на выгон, где ее ждали цветы и горный орел, где бывало так хорошо и весело, однако молотки, пилы и плотницкие инструменты деда тоже очень ее занимали.

А уж когда она осталась дома и выяснилось, что дед как раз мастерит круглые красивые ясли для коз, ей стало еще интереснее. Любила она наблюдать за дедом и когда он, засучив рукава, помешивал что-то в большом котле. Но особенно в такие ветреные дни Хайди нравилось смотреть и слушать волнение и шелест трех больших елей за домом. Она то и дело выбегала из дому, и ей казалось, что нет ничего прекраснее этого таинственного низкого гудения в верхушках елей. Хайди стояла под ними и никак не могла наслушаться и наглядеться вдоволь.

Солнце уже не припекало, как летом, и девочке пришлось отыскать в шкафу свое платьице, чулки и ботинки. С каждым днем воздух делался все свежее, и, стоя под елями, девочка чувствовала, что ее продувает насквозь. И все-таки она вновь и вновь возвращалась туда, она просто не могла усидеть дома, когда в елях завывал ветер.

А потом совсем похолодало, и Петер, приходя по утрам за козами, то и дело дул себе на руки. Но и это продолжалось недолго. Однажды ночью выпал обильный снег, и утром кругом было белым-бело, и на деревьях не осталось ни единого зеленого листочка.

В это утро Козий Петер не явился, и Хайди, как зачарованная, смотрела в маленькое окошко. Снова пошел снег, он падал крупными хлопьями долго-долго, покуда оконце почти совсем не завалило. Его уже нельзя было открыть, маленький домик был надежно укутан снегом. Хайди это страшно понравилось. Она бегала от окна к окну, наблюдая, как растут заносы. А вдруг домик занесет так, что придется днем зажигать свечи? Но до этого не дошло, и на другой день дедушка вышел из хижины.

Снегопад уже прекратился, и дед принялся расчищать снег вокруг дома. Он набросал две огромные кучи снега, так что казалось, хижину сторожат снежные горы. Но зато окна и двери были теперь свободны, и это было прекрасно!

Когда под вечер Хайди с дедом сидели у окна, каждый на своем трехногом стуле – дедушка давно уже смастерил для внучки такой же стул, как у него, – на крыльце вдруг раздался громкий топот, и дверь распахнулась. Это был Козий Петер. Однако он вовсе не из озорства так топал у порога, просто сбивал снег с ботинок. Он весь был в снегу, ведь ему пришлось пробиваться через заносы. В дороге снег налипал на него и накрепко примерзал. Но мальчик не сдавался, ему необходимо было сегодня же повидать Хайди, с которой он не встречался уже целых восемь дней.

– Доброго вечера! – сказал Петер с порога и прямым направился к очагу. Больше он ни слова не произнес. Но лицо его лучилось радостью оттого, что он, наконец, добрался до места.

Хайди не сводила с него изумленных глаз – стоя совсем близко к огню, Петер начал малопомалу отгаивать и вскоре уже напоминал маленький водопад.

– Ну, что скажешь, козий генерал? Как дела? – спросил дедушка. – Ты теперь остался без армии, и настала пора грызть карандаш?

– А почему это он должен грызть карандаш, а, дедушка? – спросила охваченная любопытством Хайди.

– Зимой он ходит в школу, – объяснил дед, – там детей учат читать и писать, что порой нелегко дается, вот и приходится грызть карандаш, это здорово помогает, правда, генерал?

– Правда, – подтвердил Петер.

Хайди вдруг страшно заинтересовалась школой и буквально засыпала Петера вопросами, что там да как. За этим разговором, в котором Петер волей-неволей принял участие, прошло довольно много времени, и он успел обсохнуть. Мальчику вообще было очень трудно облекать свои мысли и представления в подходящие к случаю слова, но особенно тяжко ему пришлось сейчас, потому что едва он успевал кое-как, с грехом пополам, ответить на один вопрос, как у Хайди наготове были уже два или три новых, совершенно неожиданных вопроса, да еще таких, на которые не ответишь междометием, а надо, хочешь не хочешь, складывать целую фразу.

Во время этой беседы дедушка сидел совсем тихо, только уголки рта иной раз подрагивали от смеха – верный признак того, что он внимательно слушает.

– Ну что ж, генерал, ты, можно сказать, побывал под огнем неприятеля и теперь нуждаешься в подкреплении, пошли, да не отставай на марше!

С этими словами старик поднялся и достал из шкафа еду для ужина, а Хайди пододвинула стулья к столу. У стены стояла лавка, тоже сработанная дедушкой. С тех пор как у него поселилась Хайди, он стал то тут, то там устраивать какие-то сиденья на двоих, потому что Хайди все время старалась держаться поближе к дедушке, сидел ли он, стоял или шел куда-нибудь. Таким образом, сейчас всем троим было куда сесть. Петер вытаращил свои круглые глаза при виде большого куска вяленого мяса, который дед положил ему на толстый ломоть хлеба. Давненько мальчик так не ужинал. Когда с чудесной трапезой было покончено, за окном уже стало смеркаться и Петер собрался в обратный путь. Сказав «Доброй ночи!» и «Спаси вас Бог!», он направился к двери, но вдруг обернулся и добавил:

– Я еще приду, в воскресенье, стало быть, через восемь дней, а ты должна сходить к бабушке, она велела.

Для Хайди это явилось опять чем-то новым и интересным – подумать только, она должна к кому-то пойти! Уже наутро первыми ее словами были:

– Дедушка, мне обязательно нужно вниз, к бабушке, она меня ждет!

– Сейчас слишком много снега навалило, – возразил дед.

Но эта мысль накрепко засела в голове у Хайди. Бабушка велела ей передать, что она должна пойти к ней! Дня не проходило, чтобы она по пять-шесть раз не приставала к деду:

– Дедуля, мне надо вниз, к бабушке, она же меня ждет! Мне, правда, надо к ней!

На четвертый день, когда ударил такой мороз, что сухой снег громко скрипел при каждом шаге, но солнышко смотрело в окно прямо на высокий стул Хайди, которая как раз завтракала, девочка вновь обратилась к деду:

– Ну уж сегодня, дедушка, я непременно должна пойти к бабушке, она уже так давно ждет.

Старик встал из-за стола, поднялся на чердак и принес вниз большой мешок, служивший Хайди одеялом.

– Ну пошли! – сказал он.

Вне себя от радости девочка выбежала из хижины в блистающий снежный мир. В старых елях сегодня было совсем тихо. На их разлапистых ветвях лежал ослепительный снег, и все кругом искрилось и сверкало. Захваченная этой красотой, девочка воскликнула:

– Дедушка, дедуля, иди скорей сюда! Смотри, сколько на елках серебра и золота!

Дедушка пошел в сарай и вынес оттуда санки. С одной стороны к ним была приделана палка, при помощи которой, сидя на плоском сиденье, можно было задавать санкам нужное направление, упираясь в снег то одной, то другой ногой. Налюбовавшись по требованию Хайди заснеженными елями, старик уселся на санки, посадил девочку впереди себя, укутал ее поплотнее в мешок, чтобы не замерзла, крепко прижал к себе левой рукой, а правой взялся за палку и оттолкнулся обеими ногами. Сани с такой скоростью понеслись с горы, что Хайди почудилось, будто она, точно птица, летит по воздуху. Девочка завизжала и тут же сани остановились точнехонько перед хижинкой Козьего Петера.

– Ну, теперь ступай в дом, а как начнет темнеть, выйди опять на дорогу.

Он повернулся и пошел обратно, волоча за собою сани.

Хайди храбро открыла дверь и вошла в хижину. Она попала в кухню, черную от копоти, где стояла плита да небольшая полка с мисками. Девочка увидела еще одну дверь, открыла ее и очутилась в тесной горнице. Это не была пастушья хижина, как у ее деда, где имелась только одна большая комната да чердак, нет, это был старый крохотный домишко, где все было тесным, узким и убогим. Едва ступив в горницу, Хайди очутилась возле стола, за которым сидела женщина и штопала Петерову фуфайку. Хайди сразу эту фуфайку признала. А в углу за прялкой сидела маленькая сгорбленная старушка. Хайди мгновенно все сообразила, подошла к старушке и сказала:

– Здравствуй, бабушка, вот я и пришла к те-бе, а ты, верно, думала, что я еще не скоро приду?

Старушка подняла голову и нащупала протянутую ей руку. Крепко сжав ее, она немного подумала, а потом спросила:

– Так ты и есть та девочка, которая живет наверху, у Горного Дяди? Хайди?

– Да, это я, меня дедушка привез на санках!

– Да как же такое возможно? У тебя ручка совсем теплая! Бригитта, скажи, неужто же Горный Дядя сам привел девочку?

Штопавшая фуфайку мать Петера по имени Бригитта встала из-за стола и с любопытством оглядела Хайди с ног до головы. Потом сказала:

– Не знаю, матушка, может, ребенок что и путает насчет Горного Дяди.

Но Хайди, решительно взглянув на женщину, твердо заявила:

– Ничего я не путаю. Я прекрасно знаю, кто меня сюда привез и кто меня завернул в одеяло, это мой дедушка.

– Знаешь, Бригитта, похоже, Петер нам все лето дело говорил, а мы-то ему не верили, думали, он не понимает, – сказала бабушка. – Да и кто бы поверил, что такое возможно? Я-то думала, ребенок и трех недель там у него не проживет. А как она выглядит, Бригитта?

Бригитта между тем основательно разглядела девочку и вполне могла уже рассказать, как она выглядит.

– Она, мама, крепкого сложения, как и Адельхайда, – отвечала дочь. – Но глаза у нее черные и волосы кудрявые, как у Тобиаса и у самого Горного Дяди. По-моему, она похожа и на отца и на мать одновременно.

Хайди тоже зря времени не теряла: она внимательно огляделась кругом и все хорошенько рассмотрела.

– Знаешь, бабушка, вот тут ставень все время стучит. Дедушка забил бы один гвоздик, и он бы перестал хлопать, а то ведь так стекло может разбиться. Вот смотри, опять хлопает!

– Ах, дитяtko, смотреть-то я и не могу, зато слышу хорошо, и не только как ставни хлопают. У нас тут, как ветер дует, все скрипит и трещит да во все щели задувает. Все еле держится, а ночью, когда дочка с внуком спят, мне иной раз так боязно бывает, вдруг крыша обвалится и прибьет нас всех насмерть. И некому у нас хоть что-нибудь починить, Петер ничегошеньки в этом не смыслит.

– А почему ты не видишь, как ставень хлопает, бабушка? Смотри, вот опять, опять!

И девочка ткнула пальцем в непослушный ставень.

– Ах, дитяtko, я вообще ничего не вижу, совсем ничего, а не только этот ставень, – пожаловалась старушка.

– А если я выйду и совсем открою ставни, тогда здесь будет светло, и ты сможешь видеть, а, бабушка?

– Нет, деточка, и тогда я ничего не увижу, я уж никогда света белого не увижу!

– Нет, бабушка, если ты выйдешь из дому, на снег... он такой белый-белый, ты непременно его увидишь, пойдем со мной, я так хочу тебе его показать.

Хайди схватила старушку за руку и уже собралась потянуть ее за собою. Ведь это так страшно, что бабушка совсем ничего не видит!

– Оставь меня, добрая душа, мне везде будет темно, что на белом снегу, что на ярком солнышке, свет не достигает больше моих глаз.

– Значит, надо подождать до лета, бабушка, – пролепетала Хайди, все еще испуганно пытаясь найти хоть какой-то выход. – Я думаю, летом, когда солнышко так сильно греет, а вечером желает горам доброй ночи и все кругом такое красное, прямо огнем горит, а желтые цветочки блестят, как золотые... тогда-то уж тебе будет светло?

– Нет, деточка, я больше никогда не смогу все это увидеть, ни огненных гор, ни золотых цветов, для меня на земле повсюду только мрак.

И Хайди разрыдалась. Горестно всхлипывая, она продолжала спрашивать старушку:

– А кто может тебе помочь, бабушка? Кто может сделать так, чтобы ты опять увидела белый свет? Никто? Никто-никто не может?

Старушка пыталась утешить девочку, но это ей не скоро удалось. Хайди почти никогда не плакала, но уж если начинала, то печаль ее длилась очень долго. Бабушка и так и сяк пыталась ее успокоить, жалобные всхлипы девочки камнем ложились ей на сердце. Наконец она проговорила:

– Ну иди сюда, иди ко мне, добрая душа, я хочу тебе что-то сказать. Понимаешь, когда человек ничего не видит, то он радуется каждому доброму слову, и мне очень приятно слушать, как ты говоришь. Иди, сядь со мною рядышком, вот так, и расскажи мне, как тебе там, наверху, живется, что ты делаешь и что делает твой дедушка, я раньше хорошо его знала. А теперь я уж несколько лет ничего о нем не слыхала, разве что иногда от Петера, да он ведь много не скажет.

Новая идея овладела Хайди, она моментально вытерла слезы и сказала ласково:

– погоди, бабушка, вот я все расскажу дедуле, и он сделает так, чтобы ты увидела свет, и еще он все в доме починит, все приведет в порядок.

Старушка не проронила ни слова, а Хайди принялась подробно и очень живо рассказывать о своей жизни с дедом, о пастбище и о нынешнем, зимнем, житье-бытье. Рассказала и о том, что дедушка может что угодно сделать из дерева: лавки, стулья, красивые ясли, куда можно класть сено для Лебедки с Медведкой, и корыто для купания на солнышке, и новые плошки для молока, и новые ложечки. Хайди с жаром описывала все эти красивые вещи, которые получаются из куска дерева, рассказывала, как она часами стоит и смотрит на деда и как ей самой хочется сделать что-нибудь такое.

Старушка слушала ее с большим вниманием и лишь изредка вставляла:

– Ты это слышишь, Бригитта? Слышишь, что она говорит о Горном Дяде?

Внезапно раздавшийся топот у дверей прервал рассказ Хайди. В горницу вошел Петер и от изумления при виде Хайди широко раскрыл глаза и замер на пороге. А потом расплылся в улыбке, когда она крикнула ему:

– Здравствуй, Петер!

– Надо же, неужто он уже вернулся из школы? Давненько время для меня так быстро не бежало! – удивленно воскликнула бабушка. – Здравствуй, внучек! Как дела с чтением?

– Все так же, – отвечал мальчик.

– Ох ты, Господи, – вздохнула бабушка. – А я-то думала, что с осени, когда тебе двенадцать стукнуло, все переменится.

– Бабушка, а почему, когда исполняется двенадцать лет, что-то должно перемениться? – с любопытством спросила Хайди.

– Я только хотела сказать, что он теперь уже большой, мог бы получше учиться, особенно чтению, – пояснила бабушка. – У меня на верхней полке лежит молитвенник, и там такие красивые песни, я давно их не слыхала, а память меня подводит, я уж их не помню, вот и надеялась, что внучек мой выучится читать, но у него никак это не получается, трудно ему.

– По-моему, пора свет зажечь, а то скоро совсем стемнеет, – сказала мать Петера, все еще штопая фуфайку. – Для меня тоже день пролетел незаметно.

При этих ее словах Хайди вскочила, протянула старушке руку и сказала:

– Доброй ночи, бабушка, раз уже темнеет, значит, мне пора домой!

Затем она пожала руку Петеру и его маме и направилась к двери. Но бабушка встревоженно воскликнула:

– Постой! погоди! Тебе нельзя идти одной, Петер тебя проводит, слышишь, Хайди? А ты, Петерли, следи, чтобы девочка не упала, да смотрите, идите, не останавливаясь, а то ребенок замерзнет. Слышишь? Есть у нее теплый платок?

– Нету у меня платка, – отвечала Хайди, – но я не собираюсь мерзнуть!

И с этими словами она выскочила за дверь и припустилась так, что Петер едва поспевал за нею. А бабушка жалобным голосом кричала им вслед:

– Бригитта! Беги за нею! Дело к ночи, девочка замерзнет! Возьми мой платок да беги скорее!

Бригитта послушалась. Но едва она вышла за дверь, как увидела, что с горы спускается Горный Дядя. И вот уже он рядом с детьми.

– Молодчина, Хайди, умеешь держать слово! – одобрил он внучку и тут же укутал ее одеялом, взял на руки и пошел назад, в гору.

Бригитта все это видела. Вернувшись вместе с Петером в горницу, она с удивлением рассказала матери о том, что ей довелось увидеть. Старушка тоже удивилась.

– Слава тебе, Господи! – сказала она. – Только бы старик еще хоть разок отпустил девочку к нам, очень уж мне с нею хорошо было! Что за чудная душа и до чего занятно умеет рассказывать!

Старушка долго еще радовалась новому знакомству и пока не улеглась спать, все повторяла:

– Как же мне хочется, чтобы она еще пришла! Теперь и мне есть чему порадоваться на этом свете!

Бригитта все время поддакивала матери, и даже Петер согласно кивал и твердил, расплываясь в улыбке:

– Да я знал, знал!

Хайди между тем пыталась обо всем поведать дедушке, но сквозь толстую ткань, к тому же сложенную в восемь раз, трудно было разобрать ее слова, и старик сказал:

– Потерпи маленько, вот придем домой, тогда ты все мне расскажешь.

Едва он переступил порог дома и снял с Хайди одеяло, как она затараторила:

– Дедушка, завтра мы должны взять с собой молоток и большие гвозди! Надо прибить у бабушки ставни, а вообще там надо много гвоздей, у них все трещит, вот-вот развалится!

– Мы должны? Мы, говоришь, должны? Кто это тебе сказал?

– Никто не сказал, я сама знаю, – отвечала Хайди. – Потому что у них скоро крыша обвалится и вообще все! Бабушка по ночам не спит, боится и думает: вот сейчас крыша рухнет нам на голову! Бабушка совсем ничего не видит и не знает, что с этим поделать, но ты же ведь знаешь, ты можешь, да, дедушка? Ты только подумай, как это грустно – всегда быть в темноте, а если еще по ночам умирать со страху... И никто ей помочь не может, кроме тебя, дедуля! Давай завтра пойдем и поможем бабушке, ладно, дедушка? Пойдем?

И девочка доверчиво прижалась к деду. Старик какое-то время молча смотрел на девочку, потом проговорил:

– Да, Хайди, надо помочь бабушке. Мы с тобой все починим, что там трещит и хлопает, это нам по силам. Завтра прямо и пойдем.

От восторга Хайди принялась скакать по комнате, непрестанно восклицая:

– Завтра прямо и пойдем! Завтра прямо и пойдем!

Дедушка сдержал слово. На другой день около полудня они опять уселись в сани и, как давеча, покатали вниз. Дед опять подвел девочку к дверям лачуги Козьего Петера и сказал:

– Иди к бабушке, а как начнет темнеть, выходи на то же место, что и вчера.

Старик положил одеяло на санки и стал со всех сторон оглядывать ветхий домишко.

Едва Хайди открыла дверь, как бабушка закричала из своего угла:

– Она пришла! Наша девочка пришла!

От радости она выпустила из рук нитку, колесо прялки остановилось. Бабушка протягивала руки навстречу Хайди. Девочка подбежала к ней, пододвинула низкую скамеечку, уселась на нее, и они со старушкой пустились в долгие разговоры. Вдруг кто-то начал громко стучать в стену дома, да так, что старушка с перепугу чуть прялку не опрокинула и вся дрожа запричитала:

– Ах ты, Господи, вот оно, началось, сейчас все обвалится!

Но Хайди положила руку ей на плечо и сказала ласково:

– Нет, бабушка, нет, не бойся, это дедушка стучит молотком, он все починит, чтобы ты по ночам не умирала со страху!

– Нет! Ну надо же такое! Нет, бывает же такое! Значит, Боженька нас все-таки не забыл! – воскликнула бабушка. – Бригитта, ты слышишь? И впрямь молоток стучит! Выйди, Бригитта, и если это и вправду Горный Дядя, то скажи ему, пусть он хоть на минуточку зайдет, чтобы я могла сказать ему спасибо!

Бригитта вышла из дому. Старик как раз прибывал к стене большую скобу. Бригитта подошла к нему:

– Доброго здоровья вам, дядя, и матушка моя вам тоже доброго здоровья желает. Очень мы вам благодарны за то, что вы тут для нас делаете. Матушка особо просила вас зайти в дом, она сама хочет вас поблагодарить, потому как, кроме вас, некому для нас это сделать. Мы вам заплатим, потому как...

– Хватит! – перебил ее старик. – Что вы тут про Горного Дядю думаете, мне отлично известно. Ступай-ка в дом, я и сам разберусь тут что к чему.

Бригитта послушно скрылась в доме, возражать старику ей всегда было боязно. Он долго еще бродил вокруг дома, стуча то тут, то там. Потом по узкой лесенке поднялся на крышу и продолжал стучать уже там, покуда не вбил последний гвоздь из тех, что прихватил с собою. Меж тем уже стемнело. Он с трудом спустился с крыши, к саням, оставленным позади хлева, а тут и Хайди вышла из дому. Дед, как и вчера, укутал ее и взял на руки. Если б он посадил ее на санки, то одеяло непременно свалилось бы с нее, и она могла бы здорово замерзнуть. Дед это знал и потому нес девочку на руках.

Так проходила зима. Горестную жизнь Петеровой бабушки после долгих лет вновь озарила радость, дни ее не были больше такими длинными и темными, как прежде, она все время теперь жила в ожидании чего-то хорошего. С раннего утра она начинала прислушиваться, не идет ли Хайди, а когда девочка и в самом деле вбежала в дом, старушка всякий раз весело восклицала:

– Вот славно-то, опять к нам кто-то пожаловал!

И Хайди садилась у ее ног и болтала обо всем на свете, рассказывала все, что знала, чтобы доставить удовольствие старушке. Часы летели незаметно, и никогда больше бабушка не задавала дочери прежнего своего вопроса:

– Скажи, Бригитта, день еще не кончился?

Зато когда вечером за Хайди закрывалась дверь, она всякий раз говорила:

– Подумать только, до чего же быстро нынче время пролетело, правда, Бригитта?

А дочь отвечала:

– Да, и мне тоже так кажется, вот только недавно посуду помыла после обеда, а тут уж и вечер.

А старушка на это говорила:

– Благослови, Господь, эту девочку и Горного Дядю тоже. Девочка на вид здоровенькая, Бригитта?

– Она похожа на клубнику со сливками.

Хайди тоже привязалась к старушке, и когда она думала, что никто на всем свете, даже дедушка, не поможет ей прозреть, сердце девочки наполнилось печалью. Но старушка говорила, что с тех пор, как с нею Хайди, она куда меньше страдает от своей слепоты.

Каждый погожий день Хайди на санях приезжала к старушке. Дед, без долгих разговоров, всякий раз брал с собою молоток и другие инструменты и трудился, починяя лачугу Козьего Петера. И он не зря старался. Бабушка все чаще говорила, что теперь ночами ничего у них больше не стучит и что давно уже она так сладко не спала. И она всегда будет помнить доброе дело Горного Дяди и молить за него Господа Бога.

Визиты и их последствия

Быстро пролетела зима, и еще быстрее миновало лето. И вот близится к концу еще одна зима. Хайди все это время жила весело и радостно, как птичка небесная, с каждым днем все более радуясь приближению весны, когда в елях зашумит теплый фён и сдует снег. А там уж ясное солнышко выманит из земли синие и желтые цветы, и опять настанут счастливые дни на пастбище. Для Хайди ничего лучше во всем свете не было.

Девочке шел уже восьмой год. Она очень многому научилась у деда. Например, обращаться с козами она теперь умела не хуже, чем он, Лебедка с Медведкой бегали за девочкой как верные собачонки и громко блеяли от радости, едва слышат ее голос. Этой зимой Петер дважды передавал Горному Дяде слова школьного учителя из Деревеньки, который настаивал, чтобы старик отдал внучку в школу. Возраст, мол, давно уже позволяет, ей следовало бы еще в прошлом году пойти в школу. И оба раза Горный Дядя велел передать учителю, что ежели тому от него что-то нужно, то он всегда дома, к его услугам, но ребенка он в школу не пошлет. Петер все передавал слово в слово.

Когда мартовское солнце растопило снег на склонах и из земли тут и там проклюнулись белые подснежники, а ели за домом сбросили свой снежный груз и ветви могли опять весело качаться на ветру, Хайди упоенно носилась взад и вперед, не зная устали. От дверей хижины к хлеву, от хлева под ели, потом опять в хижину, к деду, чтобы доложить, как все обстоит на дворе. Потом тут же бежала обратно. Она никак не могла дожидаться, когда же снова все зазеленеет и настанет наконец лето с травой и цветами.

Однажды солнечным мартовским утром, когда Хайди уже в десятый раз подбежала к порогу, она со страху чуть не упала, потому что перед нею вырос какой-то господин, старый, весь в черном. Он смерил ее серьезным взглядом. Но увидав, как она испугана, заговорил с нею очень ласково:

– Не бойся меня, я люблю детей. Ну, дай-ка мне руку, ты, должно быть, и есть Хайди? А где твой дедушка?

– Он сидит за столом и вырезает из дерева круглую ложку, – доложила Хайди.

Гостем оказался старый пастор из Деревеньки, прежде он хорошо знал деда, когда тот еще жил внизу и был его соседом. Пастор вошел в хижину и напрямик направился к старику, склонившемуся над своей работой.

– Доброго утра, сосед.

Дед изумленно поднял глаза, потом встал и ответил:

– Доброго утра, господин пастор.

И он пододвинул пастору свой стул.

– Ежели господин пастор не побрезгует голым деревом, то прошу садиться.

Пастор сел.

– Давненько я не видал вас, сосед, – проговорил он немного погодя.

– Да и я давненько не видал господина пастора, – отвечал дед.

– Я пришел сюда, чтобы кое-что с вами обсудить, – начал пастор. – Я полагаю, вы уже догадываетесь, с чем я пожаловал и о чем намерен говорить. И мне не терпится услышать ваш ответ.

Пастор умолк и посмотрел на Хайди, которая все еще стояла в дверях, внимательно разглядывая пришельца.

– Хайди, ступай-ка к козам, – распорядился дед. – Возьми немножко соли и жди меня там. Хайди мгновенно исчезла.

– Девочке следовало еще в прошлом году пойти в школу, а уж в нынешнем непременно, – сказал пастор. – Учитель просил вас об этом уведомить, но вы не дали ему никакого ответа. Так как же вы намерены поступить с девочкой, сосед?

– Я не намерен посылать ее в школу, – отрезал дед.

Пастор удивленно посмотрел на старика, который сидел на лавке, скрестив руки на груди и всем своим видом показывая, что он непреклонен.

– Так что же вы хотите сделать из этой девочки? – спросил пастор.

– Ничего. Она растет и развивается вместе с козами и птицами, ей с ними хорошо, и от них она ничему дурному не научится.

– Но ребенок ведь не коза и не птица, это человеческое дитя. Согласен, от этих своих товарищей она не научится ничему дурному, однако она вообще ничему от них не научится, а учиться ей необходимо, время пришло. Я пришел к вам, сосед, сказать обо всем заранее, дабы вы могли за лето все обдумать и устроить. Это была последняя зима, которую ребенок провел без всяких занятий. Следующей зимой он будет ходить в школу, и притом каждый день.

– Этого не будет, господин пастор, – твердо отвечал дед.

– Вы и в самом деле полагаете, будто нет средства образумить вас, коль скоро вы намерены упорствовать в своем неразумии? – сказал пастор, начиная понемногу горячиться. – Вы побродили по свету, немало повидали и имели возможность многому научиться, а посему я ожидал от вас большей рассудительности.

– Так-так, – произнес старик, и по голосу его чувствовалось, что он уже не так спокоен, как прежде. – Неужели господин пастор думает, что зимой, ранним утром, в любой мороз и пургу я буду отправлять это хрупкое дитя в школу, куда ходьбы добрых два часа? А по вечерам, когда ей надо будет возвращаться, иной раз бывает такая буря, что от ветра и снега и задохнуться недолго? Так по-вашему? А может, господин пастор и мать ее вспомнит, покойную Адельхайду? Она была лунатичкой, с нею часто случались приступы, так разве может ее ребенок, Хайди, все это выдержать? Меня к этому можно только принудить! А кому, спрашивается, это под силу? Да я его по судам затаскаю! Так что поглядим, можно ли меня заставить!

– Вы совершенно правы, сосед, – ласково проговорил пастор. – Разумеется, ребенок не может отсюда ходить в школу. Но я вижу, что это дитя вам дорого, а посему сделайте ради нее то, что вам давно уже следовало бы сделать. Вернитесь в Деревеньку и поселитесь вновь рядом с людьми! Да и что это за жизнь здесь, в горах, в одиночестве и злобе на людей! А случись тут что-то с вами, кто вам поможет? Я вообще не понимаю, как вы тут зимой не замерзаете в этой вашей хижине и как такую жизнь выдерживает ребенок?

– У ребенка кровь молодая, горячая да одеяло теплое – вот что я могу ответить господину пастору. И к тому же я знаю, где взять дрова и когда именно следует за ними пойти. И пусть господин пастор не сочтет за труд заглянуть зимою в мое скромное жилище, и тогда он убедится, что огонь у меня всю зиму не гаснет. А что до моего возвращения в Деревеньку, то это не по мне. Люди там, внизу, презирают меня, а я – их, а потому гораздо лучше нам жить врозь.

– Нет, нет, для вас это не лучше, я знаю, чего вам недостает, – сердечно сказал пастор. – Вы вот думаете, что люди внизу вас презирают? Но не все так плохо. Поверьте мне, сосед: постарайтесь примириться с Богом, просите Его о прощении тех грехов, кои вам самому ведомы! А уж потом вы увидите, насколько иначе к вам станут относиться люди и как хорошо вам еще может быть в этой жизни!

Пастор встал, подал старику руку и еще раз, с неменьшей сердечностью, сказал:

– Я, сосед, рассчитываю, что будущей зимой вы снова будете среди нас и мы с вами по-прежнему будем добрыми соседями. Поверьте, мне было бы очень горько, если бы пришлось применить против вас силу. Дайте мне вашу руку и обещайте, что спуститесь в Деревеньку и станете жить среди нас в мире с Господом Богом и людьми.

Горный Дядя подал руку пастору и ответил твердо и определенно:

– Господин пастор все правильно насчет меня понимает, но того, что вы от меня ожидаете, я не сделаю. Говорю вам раз и навсегда: девочку я в школу не отправлю и сам тоже вниз не спущусь.

– Ну что ж, Бог в помощь! – печально проговорил пастор и вышел.

Горный Дядя был раздосадован. После обеда Хайди заявила:

– А теперь нам пора к бабушке!

Но дед отрезал:

– Не сегодня!

В этот день он больше слова не вымолвил, а когда наутро Хайди спросила, пойдут ли они сегодня к бабушке, он так же резко ответил:

– Посмотрим.

Но не успели они убрать со стола посуду, как в дверях появился новый гость. Вернее, гостья – тетя Дета. В красивой шляпе с пером и в платье, которое подолом мело пол, а в горной хижине, надо заметить, много чего лишнего может оказаться на полу. Дед оглядел ее с ног до головы, но ни слова не сказал. Зато тетя Дета явно была расположена вести самый дружественный разговор. Первым делом она восхитилась видом Хайди, говорила, что девочку просто невозможно узнать. Сразу видать, что ей совсем даже неплохо у бабушки живется.

Но она ведь, само собой разумеется, всегда думала забрать девочку обратно к себе, потому как она вполне понимает, что ему ребенок, конечно же, в тягость, просто тогда у нее не было другого выхода... Но с тех пор она денно и ночью только и думала о том, куда бы пристроить племянницу. Вот поэтому-то она и здесь. Ей довелось узнать кое-что такое, что для Хайди будет настоящим счастьем, таким счастьем, что и поверить трудно. Она, Дета, сразу же взялась за дело и теперь может со спокойной совестью сказать, что все устроилось как нельзя лучше. Хайди повезло так, как везет одному человеку из доброй сотни тысяч.

У страшно богатого родственника ее хозяев, который живет чуть ли не в самом красивом доме Франкфурта, есть маленькая дочурка. Она прикована к инвалидному креслу, потому что, во-первых, она хромоножка, а во-вторых, вообще очень слаба здоровьем. Она почти всегда одна и даже учится одна у проходящего учителя. Девочке страшно скучно, и хорошо бы ей иметь в доме подружку для игр. И вот однажды дама, которая у него в доме ведет хозяйство и всем заправляет, заговорила об этом при ее госпоже, нельзя ли, мол, найти такого ребенка. А ее госпожа, дама очень сочувственная, взялась подыскать для больной девочки компаньонку. Домоправительница говорила, что хотела бы найти неиспорченную, совсем особенную девочку, какую не каждый день встретишь. Ну и она, Дета, конечно же, сразу подумала о Хайди, рассказала этой даме все о своей племяннице и о ее характере, и дама сразу же согласилась. Это же ведь с ума сойти, какое счастье Хайди привалило, что эти люди захотели взять девочку к своему хрому ребенку – один Бог ведает, до чего эта девочка слабенькая – отец девочки вдовый, так над нею трясется... Бывает же такое везение...

– Долго ты еще будешь трещать? – перебил ее дед, до сей поры молчавший.

– Тоже мне! – отозвалась Дета и гордо вскинула голову. – Вы тут делаете вид, будто я вам самые обыкновенные вещи рассказываю. А я вам доложу, что в Преттигау нет человека, который не благодарил бы небо, когда я ему сообщала ту новость, что сообщила вам.

– Да сообщай ты свою новость кому угодно, только я о ней ничего знать не желаю, – сухо произнес дед.

Тут Дета взвилась:

– Ну, ежели таково ваше слово, дядя, то я вам скажу, что я про это думаю. Девчонке уже восемь лет, она ничего не знает и не умеет, а вы не желаете ее чему-то учить. Не пускаете ее ни в школу, ни в церковь, мне в Деревеньке все сказали, а ведь она мне не чужая, это единственный ребенок моей родной сестры. И я за нее в ответе. И уж коли девчонке привалило такое счастье, то мешать тут может только человек, которому до нее вовсе нет дела и который никому на

свете добра не желает. Но я вам, дядя, заявляю: я не сдамся, и люди, они тоже все на моей стороне. Да в Деревеньке нет человека, который меня не поддержит, особенно против вас. А ежели вам охота иметь дело с судом, то советую прежде хорошенько подумать, дядя. Тут много чего может всплыть такого, о чем вам слышать не больно-то хочется, потому как кто один раз с судом дело имел, знает, что тут, ох, как много может выйти на свет Божий.

– Молчать! – загремел старик, и глаза его вспыхнули огнем. – Можешь забирать ее в город и вконец там испортить! Только никогда не показывайся с нею мне на глаза! Не желаю я видеть ее в шляпе с пером и с такими разговорами, какие ты нынче вела!

И старик большими шагами вышел за дверь.

– Ты разозлила дедушку, – сказала Хайди, смерив свою тетку не слишком дружелюбным взглядом.

– Беда невелика, он еще пообреет, – заметила тетка. – Давай, Хайди, собирайся! Где твои платья?

– Я не пойду, – отрезала Хайди.

– Что? Что ты сказала? – закричала было Дета, но тут же сменила тон и продолжала с ласковостью, сквозь которую, однако, проглядывала злость. – Давай, давай, идем, ты просто не понимаешь, как тебе будет там хорошо! Ты даже и вообразить себе не можешь.

Она подошла к шкафу, вынула оттуда вещи Хайди и связала в узел.

– Ну вот, теперь можем идти, надень свою шляпку, вид у нее неважный, но пока это большой роли не играет, надевай и пошли скорее!

– Я не пойду, – повторила Хайди.

– Не будь такой упрямой дурой, ты же не коза, вот уж точно, с кем поведешься... Да пойми ты, дурья башка, сейчас дедушка злющий, просто беда, ты же сама слыхала, как он сказал, чтобы мы ему на глаза не попадались. Он хочет, чтобы ты ушла со мной, и не надо его еще пуще злить. Ты же не знаешь, какая красота во Франкфурте, сколько всего ты там увидишь, ну а ежели тебе там не понравится, что ж, вернешься обратно, может, дедушка до тех пор пообреет.

– А можно мне сразу, прямо сегодня, вернуться обратно, не сходя с места? – спросила Хайди.

– Ах, что ты несешь! Давай, пошли скорее! Я же тебе говорю, если захочешь, вернешься. Сейчас мы пойдем с тобой в Майенфельд, а завтра утречком сядем в поезд. И вернуться ты тоже сможешь на поезде. Он летит как птица.

Тетка Дета взяла узелок с платьем, схватила Хайди за руку, и они пошли вниз.

Поскольку ранней весной коз еще не выгоняют на пастбище, Петер ходил в школу или, по крайней мере, должен был ходить. Но он то и дело устраивал себе каникулы на денек-другой, полагая, что ходить туда незачем. Читать ему нужды не было, поэтому куда полезнее пошатаваться по округе, поискать добрую хворостину, которая скоро ему понадобится. В тот день он бродил неподалеку от своего дома. Успех его блужданий был налицо – он волок за собой огромную связку лециновых прутьев. Внезапно он остановился, с удивлением глядя на идущих ему навстречу Дету и Хайди. Когда они поравнялись с ним, он спросил:

– Ты куда?

– Мне надо ненадолго с тетей съездить во Франкфурт, – отвечала Хайди, – но сперва я хочу заглянуть к бабушке, она меня ждет.

– Нет, нет, даже и не мечтай, уже и так слишком поздно, – поспешно сказала Дета, крепко держа девочку за руку. Хайди пыталась вырваться. – Потом зайдешь, на обратном пути, когда вернешься!

И она потянула девочку за собой, все также крепко сжимая ее руку. Дета боялась, что в лачуге Петера девочка вспомнит, как ей не хочется отсюда уходить, и бабушка будет ей вторить.

Петер бегом вбежал в дом и так плюхнул на стол свою вязанку, что все вокруг задрожало, а бабушка с перепугу бросила прялку и с громким воплем вскочила на ноги. Петер с трудом переводил дух.

– Что такое? Что стряслось? – кричала бабушка, а мать поднялась из-за стола и с присущим ей долготерпением спросила:

– Петерли, что с тобой, почему ты так ведешь себя?

– Потому что она забрала Хайди с собой, – объяснил Петер.

– Кто? Кто? Куда? Петер, куда? – лепетала бабушка в испуге. Однако она быстро сообразила, о ком речь, так как дочка недавно сказала ей, что встретила Дету, идущую наверх, к Горному Дяде. Вся дрожа от волнения, старушка распахнула окно и закричала:

– Дета! Дета! Умоляю тебя, не уводи от нас девочку! Не забирай у нас Хайди!

Обе путницы услышали ее крик, и Дета, похоже, поняла, что кричала старуха, потому что она еще крепче сжала руку племянницы и припустилась бегом. Хайди упиралась:

– Подожди! Меня бабушка зовет! Я хочу к ней!

Но Дета именно этого и боялась. Она принялась успокаивать Хайди и втолковывать ей, что им надо очень-очень торопиться, чтобы утром вовремя сесть на поезд. Вот тогда Хайди увидит, как ей понравится во Франкфурте, и ей уже не захочется оттуда уезжать. Ну а если она все же захочет вернуться домой, то сможет сразу уехать, а заодно привезти бабушке какой-нибудь гостинец, чтобы порадовать старушку. Это Хайди понравилось. И она шла уже не противясь.

– А что же я привезу бабушке? – спросила она немного погодя.

– Что-нибудь хорошее, вкусненькое, например, мягкую белую булку, бабушке она понравится, она ведь даже черствого черного хлеба не всякий день вволю ест.

– Да, она всегда отдает его Петеру и говорит: «Он мне не по зубам». Сколько раз я это видела, – согласилась Хайди. – Пойдем же скорее, Дета, может, мы еще сегодня поспеем во Франкфурт, чтобы скорее привезти бабушке булку.

И Хайди припустилась бежать, да так, что тетка с узелком в руке едва за ней поспевала. Она обрадовалась, что девочка так бежит, к тому же показались первые домики Деревеньки, а там снова начнутся разговоры и пересуды, которые могут настроить Хайди на прежний лад. И потому они пронеслись по деревне не останавливаясь, и весь деревенский люд видел, как девочка мчится впереди и что есть сил тянет за собой тетку. Выходит, Дета так спешит только ради ребенка. И Дета на все крики и вопросы на бегу отвечала:

– Сами видите, я не могу задержаться, девчонка так спешит, а нам еще далеко идти.

– Ты ее с собой заберешь?

– Это она от Горного Дяди так улепетывает?

– Просто чудо, что она вообще еще жива!

– Да смотри, какая румяная!

Эти слова долетали со всех сторон, и Дета радовалась, что не надо останавливаться, отвечать на вопросы. А Хайди только стремилась вперед, ни слова не говоря.

С этого дня Горный Дядя, если ему случалось спуститься в Деревеньку, еще больше обычного сунул брови. Он ни с кем не здоровался, идя по деревне с заплечными носилками для сыра, со здоровенной палкой в руке, сдвинув косматые брови. Вид у него был устрашающий, и женщины говорили маленьким детям:

– Смотри не попадайся на дороге Горному Дяде, а то он тебя пришибет!

Старик не водился ни с кем в Деревеньке, он просто проходил через нее и спускался в долину, где продавал свой сыр и пополнял запасы хлеба и вяленого мяса. В Деревеньке за его спиной люди сбивались в кучки и перемывали ему кости. Каждый знал о нем что-то свое. Говорили, что он теперь еще страшнее прежнего, ни на кого не глядит и не здоровается ни с

кем. Все сходились в одном – просто счастье, что ребенка у него отобрали, вся деревня видела, как девчонка от него улепетывала, словно боялась, что старик за ней гонится, чтобы вернуть. Только слепая бабушка Петера неизменно защищала Горного Дядю, и, когда кто-нибудь из женщин захаживал к ней, чтобы отдать ей шерсть или забрать готовую пряжу, она всякий раз рассказывала, как заботливо, по-доб-рому обходился с внучкой Горный Дядя и что он сделал для них с Бригиттой, как бродил с инструментами вокруг дома, который без его попечения давно бы уже развалился. Таким образом, эти вести тоже доходили до Деревеньки, но большинство из тех, кто их слышал, говорили, что бабушка попросту выжила из ума. Она-де ничего уже не соображает, плохо слышит, а не видит и вовсе ничего.

Горный Дядя никогда больше не появлялся возле хижины Козьего Петера. Славу Богу, он успел починить да подлатать хижину, потому что, кроме него, некому было это сделать. А слепая бабушка вновь проводила дни в тяжких вздохах и не было дня, чтобы она ни причитала:

– Ах, вместе с этой девонькой всю радость у нас забрали. И дни теперь такие пустые! Хоть бы мне еще разок услышать Хайди, покуда я не померла!

Новые впечатления

Во франкфуртском доме господина Зеземанна его больная дочка Клара сидела в кресле на колесиках. Она проводила в этом удобном кресле весь день, и ее перевозили из одной комнаты в другую. Сейчас она сидела в так называемой классной комнате, расположенной рядом с большой столовой. Классная комната тоже была очень просторной, и множество самых разных вещей придавали ей жилой и уютный вид. Здесь приятно было задержаться. При взгляде на большой красивый книжный шкаф со стеклянными дверцами сразу было понятно, откуда происходит название комнаты. Здесь больная девочка каждый день брала уроки.

У Клары было бледное узкое личико с мягкими голубыми глазами, которые сейчас были устремлены на стенные часы. Казалось, сегодня время тянется медленнее, чем обычно. Клара, которую нельзя было назвать нетерпеливой, сейчас с явным нетерпением в голосе спрашивала:

– Все еще рано, фройляйн Роттенмайер?

Фройляйн Роттенмайер очень прямо сидела у маленького письменного стола и вышивала. Казалось, она окутана какой-то тайной. А высокий воротник и короткая пелеринка придавали ей торжественности. Это еще больше подчеркивала ее высокая прическа. С тех пор как умерла хозяйка дома, фройляйн Роттенмайер вот уже несколько лет жила в доме господина Зеземанна, вела хозяйство и надзирала за прислугой. Господин Зеземанн частенько бывал в отъезде и препоручал весь дом фройляйн Роттенмайер. Он ставил только одно условие: чтобы ничего в доме не делалось вопреки его дочурке. Ее желания – закон.

В то время как Клара с явным нетерпением второй раз спрашивала у домоправительницы, не пора ли появиться долгожданным пришельцам, Дета, держа Хайди за руку, уже стояла у дверей дома. Она спросила кучера Иоганна, только что слезшего с козел, можно ли в такой час беспокоить фройляйн Роттенмайер.

– Это не моего ума дело, – отвечал Иоганн, – позвоните, Себастиан вам откроет.

Дета позвонила, и вскоре ей открыл лакей в ливрее с большими круглыми пуговицами. Глаза у него тоже были большие и круглые.

– Я хотела спросить, могу ли я в такой час побеспокоить фройляйн Роттенмайер? – опять сказала Дета.

– Это не моего ума дело, – отвечал лакей. – Позвоните вот в этот звонок, и к вам спустится горничная Тинетта, – сказал Себастиан и без всяких объяснений исчез.

Дета снова позвонила. На лестнице появилась с насмешливым выражением лица горничная Тинетта в ослепительно белой наколке на голове.

– В чем дело? – спросила она сверху.

Дета в третий раз задала свой вопрос. Тинетта ушла, но вскоре опять появилась и крикнула сверху:

– Вас ждут!

Дета с Хайди поднялись по лестнице и пошли вслед за Тинеттой в классную комнату.

Дета вежливо остановилась в дверях, все еще держа Хайди за руку. Мало ли что может взбредить в голову такой девчонке в господском доме.

Фройляйн Роттенмайер медленно поднялась со стула и подошла к девочке, чтобы получше рассмотреть будущую компаньонку больной девочки. Внешний вид малышки, казалось, не слишком ее обнадежил. Хайди была в простеньком платице из бумазеи и в старой соломенной шляпке. Она простодушно озиралась вокруг и с нескрываемым изумлением смотрела на высокую, как башня, прическу домоправительницы.

– Как тебя зовут? – спросила фройляйн Роттенмайер после того, как довольно долго смотрела прямо в глаза девочки, а та храбро не отводила взгляда.

– Хайди, – звонким голосом ответила девочка.

– Как ты сказала? Как тебя зовут? Да это, похоже, не христианское имя, ты, видимо, некрещеная?

Немного помолчав, фройляйн Роттенмайер вновь приступила к допросу.

– Какое имя тебе дали при крещении?

– А я уже не помню, – отвечала Хайди.

– Вот это ответ! – Дама возмущенно покачала головой. – Дета, эта девочка просто глупа или она изволит шутить?

– С вашего позволения, мадам, я все скажу за нее, она очень уж неопытная в жизни, – затараторила Дета, а сама украдкой больно ткнула Хайди в бок за неподобающий ответ. – Она вовсе не глупа и, Боже упаси, конечно же, не шутит, просто она что думает, то и говорит. Нынче она первый раз в господском доме и хорошим манерам не обучена. Но она послушная и, ежели мадам будет столь снисходительна, очень способная к учению. А крестили ее Адельхайдой, как и ее мать, мою покойную сестру.

– Ну что ж, это имя по крайней мере можно произносить, – сказала фройляйн Роттенмайер. – Однако, фройляйн Дета, я все-таки должна вам заметить, что девочка для своего возраста кажется достаточно странной. Я ведь вам говорила, что компаньонка для фройляйн Клары должна быть ей ровесницей, дабы они могли вместе учиться и вообще все делать вместе. Фройляйн Кларе уже двенадцать лет, а сколько лет этой девочке?

– С вашего позволения, – опять начала Дета, – я, сказать по правде, уже запомнила, сколько ей годков. Она и впрямь маленько моложе барышни, но ненамного, а точно я сказать не могу. Ну уж десять-то годков ей есть, а может, и побольше.

– Мне восемь лет, дедушка говорил, – заявила Хайди.

Тетка опять ткнула ее в бок, но Хайди не поняла почему и нимало не смутилась.

– Что? Только восемь лет? – вознегодовала фройляйн Роттенмайер. – Четыре года разницы! И что с ней прикажете делать? Чему ты училась, девочка? По каким книгам?

– Ни по каким, – отвечала Хайди.

– Что? А как же ты научилась читать?

– А я не научилась, и Петер тоже, – сообщила Хайди.

– Боже милостивый! Ты даже читать не умеешь? Неужели ты и вправду читать не умеешь? – в ужасе воскликнула фройляйн Роттенмайер. – Но как это может быть? Чему же ты училась?

– Ничему, – честно призналась Хайди.

– Фройляйн Дета, – сказала домоправительница через несколько минут, в течение которых она собиралась с мыслями, – все это противоречит нашей договоренности. Как вы могли привести сюда этого ребенка?

Но Дета не позволила себя так быстро запугать и смело ответила:

– С вашего позволения, мадам, я думала, что именно такая девочка вам и нужна. Мадам говорила мне, какой она должна быть. Совсем особенной, не как все другие дети, вот мне и пришлось взять эту малышку, потому как дети побольше у нас совсем обыкновенные. По моему разумению, она вам как раз подойдет. А теперь мне пора идти, моя госпожа, поди, уже заждалась. Если мадам позволит, я вскоре еще зайду поглядеть, как ей тут живется.

Сделав книксен, Дета шмыгнула за дверь и бегом сбежала с лестницы. Фройляйн Роттенмайер чуть помедлила в раздумьи, а затем бросилась вслед за Детой. Она вдруг сообразила, что ей необходимо обсудить с теткой девочки кучу важных вещей, если ребенок и впрямь у них останется. А это уже случилось. От домоправительницы не ускользнуло, что тетка была твердо намерена оставить племянницу здесь.

Хайди все еще стояла у двери. А Клара все это время внимательно к ней приглядывалась, сидя в своем кресле. Потом она поманила девочку к себе:

– Подойди сюда!

Хайди подошла к креслу.

– Как тебе больше нравится, чтобы тебя называли: Хайди или Адельхайдой?

– Меня зовут Хайди и больше никак.

– Значит, я буду звать тебя Хайди, – сказала Клара, – по-моему, это имя тебе очень подходит, хотя я прежде никогда такого не слышала, да я и детей, похожих на тебя, тоже никогда не видела. У тебя всегда были такие короткие курчавые волосы?

– По-моему, да, – отвечала Хайди.

– Ты рада, что приехала во Франкфурт? – продолжала спрашивать Клара.

– Нет, но завтра я все равно вернусь обратно и привезу бабушке белую булку, – доложила Хайди.

– Какая ты смешная! – воскликнула Клара. – Тебя ведь привезли во Франкфурт для того, чтобы ты осталась со мной и чтобы мы вместе учились. А это, кажется, будет очень весело, ты ведь даже читать не умеешь. По крайней мере, на уроках теперь будет повеселее. Хоть что-то новенькое. А то эти уроки – такая скучища, утро тянется бесконечно. Вот ты сама увидишь, каждое утро ровно в десять является господин кандидат и начинаются уроки, до двух часов. Это так долго! Даже сам господин кандидат иногда подносит книгу к самому лицу, как будто он вдруг стал ужасно близоруким, а это он просто зевает, прикрывшись книгой. А фройляйн Роттенмайер время от времени достает свой большущий носовой платок и прикрывает им лицо с таким видом, словно она глубоко захвачена темой урока, а на самом деле она тоже зевает. Тогда и на меня нападает зевота, но мне приходится с ней бороться, потому что, если я хоть разочек зевну, фройляйн Роттенмайер тотчас же принесет рыбий жир и скажет, что у меня опять слабость. А хуже рыбьего жира ничего на свете нет, поэтому лучше зевоту скрывать. Но теперь мне уже не будет так скучно, я буду слушать, как ты учишься читать.

Услыхав про уроки чтения, Хайди задумчиво покачала головой.

– Ну что ты, Хайди, тебе непременно нужно научиться читать, все люди должны уметь читать. Господин кандидат очень добрый, он никогда не злится и очень хорошо преподает. Правда, когда он примется тебе что-нибудь объяснять, ты ничегошеньки не поймешь, но ты все равно молчи, а иначе он станет объяснять тебе снова и ты уже вконец запутаешься. Зато потом, когда ты что-то выучишь и узнаешь, ты сама поймешь, что он имел в виду.

В комнату опять вошла фройляйн Роттенмайер. Догнать Дету ей не удалось, и она была чрезвычайно возбуждена. Ведь она не успела объяснить Дете, что с ребенком все обстоит не так, как они условились. А поскольку домоправительница не знала, как ей теперь быть, как пойти на попятный, возбуждение ее только нарастало, ведь она сама заварила всю эту кашу. Вот она и бегала сейчас из классной комнаты в столовую и обратно, затем опять в столовую, где Себастиан круглыми, как плоски, глазами внимательно оглядывал накрытый стол, проверяя, все ли в порядке, и любуясь делом своих рук. Фройляйн Роттенмайер напустилась на него:

– Отложите на завтра свои великие мысли и постарайтесь еще сегодня управиться с делом, чтобы можно было сесть за стол.

Сказав это, она вихрем помчалась мимо Себастиана и кликнула Тинетту столь неприветливым тоном, что Тинетта засеменила на ее зов еще более мелкими шажками, чем обычно, и подошла к домоправительнице с такой насмешливой миной на лице, что та даже не решилась сорвать на ней свое раздражение.

– Приведите в порядок комнату для гостей, Тинетта, – с трудом овладев собой, проговорила домоправительница. – Там все готово, надо только смахнуть пыль с мебели.

– Игра стоит свеч, – насмешливо отозвалась Тинетта и тут же удалилась.

Между тем Себастиан довольно шумно распахнул двойные двери классной комнаты. Он тоже был явно не в духе, но не смел дерзить фройляйн Роттенмайер. Войдя в классную, он сразу же взялся за кресло на колесиках, чтобы отвезти барышню в столовую, но покуда он передвигал какой-то рычаг на кресле, к нему подошла Хайди и пристально уставилась на него.

– Ну что такого во мне особенного? – вспыхнул он.

Вряд ли бы Себастиан позволил себе такой тон, если бы заметил фройляйн Роттенмайер. А она как раз входила в комнату, когда Хайди ответила:

– Ты очень похож на Козьего Петера!

Домоправительница в ужасе всплеснула руками.

– Возможно ли такое! – простионала она. – Этот ребенок на «ты» с прислугой! У нее ни о чем нет ни малейших представлений!

Себастиан отвез Клару в столовую и там пересадил на кресло у стола.

Фройляйн Роттенмайер села рядом с Klarой и указала Хайди место напротив. Больше за столом никого не было, они все сидели далеко друг от друга, и Себастиану, который подавал к столу, приходилось много двигаться. Рядом с тарелкой Хайди лежала красивая аппетитная белая булочка, и девочка не сводила с нее радостных глаз. Сходство Себастиана с Козьим Петером расположило к нему Хайди. Она сидела тихо, как мышка, боясь даже пошевелиться, покуда Себастиан не подошел к ней с большим блюдом и не предложил ей жареную рыбу. Указав на булочку, Хайди спросила:

– Это можно взять?

Себастиан кивнул и покосился на фройляйн Роттенмайер, ему было любопытно, какое впечатление произвел на нее вопрос малышки. Хайди тут же сунула булочку в карман. Себастиан скорчил гримасу, чтобы удержаться от хохота, он знал, что смеяться ему не положено. Он молча и недвижно продолжал стоять возле Хайди, ибо заговорить с ней он не смел и отойти, не обслужив ее, тоже не мог. Хайди довольно долго на него смотрела в недоумении, потом спросила:

– Я должна это съесть?

Себастиан кивнул.

– Так положи мне, – сказала она, спокойно переведя взгляд на свою тарелку.

На лице Себастиана отразилась растерянность, и блюдо в его руках начало опасно дрожать.

– Можете поставить блюдо на стол, – строго сказала фройляйн Роттенмайер. – Потом заберете.

Себастиан сразу же исчез.

– Адельхайда, я вижу, что мне придется учить тебя всему, даже самым простым вещам, – с глубоким вздохом заметила домоправительница. – Прежде всего я покажу тебе, как следует вести себя за столом. – И она ясно и доходчиво показала все, что должна делать Хайди. – Далее, – продолжала дама, – тебе следует усвоить, что за столом ты ни в коем случае не должна разговаривать с Себастианом, если только ты не хочешь что-то ему приказать или же задать необходимый вопрос. Но и тут обращаться к нему ты можешь только на «вы». Только «вы» или Себастиан. Понятно? И чтобы никогда я не слышала других обращений. Тинетту ты тоже будешь называть только на «вы». Меня ты будешь называть так же, как меня называют все. А уж как тебе обращаться к Кларе, она определит сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.